

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ЗАМОРОЖЕННАЯ

СТРАСТЬ

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Замороженная
страсть (сборник)
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12165978

Замороженная страсть / Николай Леонов, Алексей Макеев:

Издательство «Э»; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-84086-1

Аннотация

В элитном приват-клубе был отравлен известный политик Павел Полуниин. В его бокале помимо виски эксперты обнаружили сок ядовитой белладонны. Главной версией преступления стало заказное политическое убийство, однако, чтобы преждевременно не поднимать шумиху в СМИ, дело поручили высочайшим профессионалам из уголовного розыска – полковникам Гурову и Крячко, которые как никто умели работать тихо и быстро. Едва сыщики взялись за дело, один за другим начали вскрываться темные делишки ближайшего окружения политика: и незаконная торговля «спайсами», и супружеские измены, и предательство,

но... все это не имело никакого отношения к убийству Полунина.
И тут сыщики обратили внимание на одного малоприметного и с
виду совершенно безобидного человека...

Содержание

Замороженная страсть	6
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	48
Глава 4	77
Глава 5	112
Конец ознакомительного фрагмента.	137

**Николай Леонов,
Алексей Макеев
Замороженная
страсть (сборник)**

© Леонова О.М., 2015

© Макеев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Замороженная страсть

Глава 1

Управляющий приват-клубом «Занзибар» Сергей Литвинов подбирал мебель в свой рабочий кабинет долго. Он перерыл много рекламных проспектов, пока не выбрал вот этот. Стильная, кожаная... Правда, пришлось столкнуться с сопротивлением дизайнера, руководившего оформлением кабинета. Но, как говорится, клиент всегда прав. В смысле, заказчик. То, что он задел какие-то там эстетические струны в душе художника, его волновало мало. Хочешь иметь заказы – не выделывайся и прислушивайся к мнению заказчика. Причем такого дорогого заказчика.

Кресло-качалка, как он его называл, Литвинову очень нравилось. Он считал его гениальным изобретением. Это было не обычное и всем хорошо знакомое кресло на закругленных полозьях, нет, это было современное, высокотехнологичное изделие, несравненно более комфортное. Оно почти ничем не отличалось от остальных кресел мягкого офисного гарнитура, но спинка и сиденье были изготовлены с максимальным удобством для спины сидящего. А какие-то там шаровые соединения позволяли этому чуду техники качаться с плавностью и мягкостью просто усыпляющей. И как не

хотелось из него вставать...

Новая официантка Ольга не обманула. Хотя Литвинов и не сомневался, что из той высокой и не очень привлекательной девушки, что явилась к нему три дня назад, можно сделать конфетку. Короткая юбка подчеркивала длину ног... да и форма их была вполне симпатичная. Бесформенная грудь сегодня приподнята хорошо подобранным бюстгалтером и даже вполне аппетитно выглядывает в вырезе блузки, выставляя на обозрение ложбинку, а профессионально выполненный макияж сделал из той простушки, что появилась тут недавно, вполне привлекательную особу. Манеры и опыт девушки Литвинов оценил еще во время первой их встречи, они были важнее внешности, хотя в приват-клубе официантки должны выглядеть на высоком уровне. И Ольга сумела соответствовать.

– Ну, молодец, молодец, – откровенно рассматривая стоявшую перед ним девушку и покачиваясь в кресле, сказал Литвинов. – Не разочаровала. Ты уж извини, что я так вот... развалившись в кресле, с тобой разговариваю. Не поверишь, я с шести утра на ногах, а сейчас уже почти десять... ноги гудят, спина отваливается...

– Знакомое состояние, – кивнула девушка, улыбнувшись одними губами. Очень профессионально улынулась!

– Да, да... при вашей работе, конечно, – кивнул Литвинов. Ему нравилось, что девушка не смущается его откровенных взглядов. А взглядов в зале будет очень много. И щип-

ков за попу или за бедро украдкой тоже будет достаточно, несмотря на то что все члены клуба знают правило – к персоналу не приставать. Для этого есть совсем другие... другой персонал. Тут все цивилизованно и на любой вкус. И девушки в зале знают, что администрация будет на их стороне, главное – не хамить и перетерпеть, а в обиду никто не даст. Главное, чтобы сами не провоцировали.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошла невысокая молодая женщина в деловом костюме. Стучаться тут было не принято. Правила хорошего тона. Стучатся там, где подразумевается, что ты можешь застать хозяина кабинета за чем-то... предосудительным. Пережитки социалистической вежливости. Тут правила иные. Входишь только тогда, когда тебя вызвали. Или в назначенное для тебя время. Или просто имеешь право входить в этот кабинет по должности в любое время. Как вот, например, администратор зала Ирина Владимировна.

– Ну, вот она, Ирина, принимай свою крестницу!

Сухошавая дама поджала губы и придирчиво осмотрела девушку со всех сторон.

– Хорошо, Петрякова, – кивнула она благосклонно. – Сегодня у тебя начинается испытательный срок. Ты посмотришь, мы на тебя посмотрим. Придираться к тебе никто тут не намерен. Нам позарез нужны хорошие работники. Главное – желание и старание с твоей стороны.

– Ну, все, – вальяжно махнул рукой Литвинов, – идите.

И помни, Ольга, наше главное правило, о котором я тебе говорил. Сюда мужики приходят расслабляться по-мужски, со всеми своими мужскими желаниями, капризами и фантазиями. Все они заранее известны, и все тут для их реализации есть. Поэтому, даже если у тебя любовь неземная в душе восплачет к кому-то из клиентов...

– Сергей Сергеевич, я помню, – попыталась вставить Ольга, но управляющий нахмурился и погрозил ей пальцем:

– А вот перебивать начальство совсем не рекомендую! Твое дело слушать. Так вот, даже если у тебя любовь неземная к кому-то из клиентов вспыхнет, то ни-ни! После работы занимайся чем хочешь и с кем хочешь. Но в этих стенах ты на службе! Никакой избирательности, никакого исключения. Тут ты не женщина, тут ты робот с внешностью женщины.

Почему его стало тянуть сюда, Павел Полунин не понимал. Начал задумываться, но пока не нашел ответа. Или не очень хотел его найти. Он очень часто бывал в «Занзибаре», по два раза в неделю. Иногда даже по три. Мужчина мало общался с друзьями, знакомыми, которых тут было достаточно. Статусные клиенты, приват-клуб, куда не только ограничен доступ, но и отсутствуют в средствах массовой информации и рекламе сведения о том, какого рода услуги тут им оказываются.

Помимо развлекательной программы, бильярда, хорошей кухни, имелись свои небольшие уютные кинозалы, был и са-

лон интимного массажа, к которому Полунин, собственно, и пристрастился. Не то чтобы ему нравился кто-то из массажисток или «специалистов», как их тут называли. Они были все симпатичные, все примерно одной комплекции, была даже одна мулатка и одна кореянка, работавшая «под японку». Полунину было все равно, кто занимается его телом. Лежи с закрытыми глазами и отдавайся ласкам абстрактной женщины. В этом было что-то новое, действительно успокаивающее, независимое от внешнего мира. Это был уже иной мир.

После сеанса массажа он отправился в душ, а потом вышел в зал, на ходу поправляя воротник рубашки под пиджаком. Это был почти обычный ресторанный зал, каких миллионы по стране, со сценой, на которой сегодня выступала Светлана Незнамова, блондинка с короткими волосами и крепкой, почти атлетической фигурой, не лишенной, правда, грации и сексуальности. Почему они все считают, что мы любим блондинок, машинально подумал Полунин, глянув на певицу. Я вот люблю брюнеток и почему-то от всех это скрываю. Почему?

На этой сцене выступали и стриптизерши, здесь танцевали эротические танцы во время различных программ. Все, как в большинстве ресторанов или кабаре, только не было привычных столиков, а были мягкие диваны с очень высокими спинками, закрывавшими сидевших за низким столиком с трех сторон. И ты можешь заниматься тут чем угодно.

Полунин уселся в свою «нишу» во втором ряду, откинулся

на мягкую спинку дивана и подумал: а не заказать ли чего покрепче? Заказ он оставил, еще когда только пришел сюда. Все удобно, все по часам, и персонал не маячит лишний раз перед глазами клиентов. Полунин вдруг ощутил себя здесь хозяином... или просто ему стало жарко. Он выпрямился, снял пиджак и бросил рядом на диван.

Неслышно, как тень, появилась официантка, быстро и ловко, почти без стука, расставила на столе заказ и исчезла. Полунин с удивлением увидел среди расставленной посуды и большую рюмку виски. Так, значит, он заказал его еще в самом начале? Надо же, настроение-то, оказывается, таким было с самого начала вечера... Ну и черт с ним!

Из кинозала потянулись мужики. Большинство вели за талию длинноногих девиц с распушенными волосами и в коротеньких платьях. Некоторые эти платья на себе одергивали. Полунин взял рюмку и усмехнулся. В этом зале сейчас закончили показ первого фильма «50 оттенков серого». Полунин его видел. При всем обилии эротики он для себя ничего интересного или глубокого в этом фильме не нашел. Ему даже на второй половине фильма стало скучно смотреть. Сейчас он махнет рюмку виски и...

– Ну что? – прозвучал из пространства над головой глухой загробный голос. – Энергию девать некуда? Баб вокруг уже мало? В салон ходишь?

Полунин поднял голову и с неприязнью посмотрел на стоявшего перед ним мужчину. С неприязнью, брезгливостью

и снисходительным терпением. Мужчина был высок ростом, но горбился, отчего его фигура напоминала вопросительный знак. А в близко посаженных серых глазах светились тоска и зависть. А еще мужчина был пьян до последней стадии. Он стоял пошатываясь, засунув руки глубоко в карманы брюк. Узел галстука под пиджаком был распущен чуть ли не до середины груди.

Глядеть на это зрелище было тоскливо. Даже желание выпить пропало, и Полунин отставил рюмку в сторону. Он взял стакан с соком и отпил из него большой глоток, продолжая смотреть на пьяного.

– Что молчишь, Пашка? – спросил мужчина. – Нечего сказать... А ты знаешь, что ты мне всю жизнь искалечил? Ирка, она как курица, ей все едино... А мне... мне как жить?

– Дурак ты, Леонтий, – процедил сквозь зубы Полунин и снова отпил из стакана. – Не хочешь так жить, не живи. Уйди от нее или застрелись.

– Не-ет, – покачал тот головой, – я дождусь, пока ты сдохнешь, а уж потом на твоей могилке спляшу джигу...

– Чего? – поморщился Полунин и поперхнулся...

Мужчина, стоявший перед ним, хотел ответить, но вдруг замер с открытым ртом. Полунин, сидевший на диване в одной рубашке и со стаканом в руке, неожиданно стал покашливать, тереть шею возле воротника и заметно бледнеть. Это было видно даже в стельку пьяному. Полунин попытался поставить стакан с недопитым соком на стол, но рука не слу-

шалась, он расплескал остатки сока, уронил стакан на край столика и повалился грудью вперед, сваливая посуду на пол. Его тело сводила непонятная судорога, он корчился, рвал на груди рубашку, как будто ему не хватало воздуха. Страшно хрипя и корчась, Полунин повалился на пол...

Такое утро бывает только в начале лета, когда жара еще не успела прокалить многострадальные стены домов, асфальт улиц. Когда по утрам еще ощущается свежесть воздуха и, придя в кабинет на Житную, хочется сразу же открыть окно, выпуская в духоту помещения вкусный запах утренней Москвы.

Такое настроение бывает еще и тогда, когда тебе удалось выспаться, когда ты встаешь с пониманием, что новый день не готовит тебе сюрпризов и неприятностей, что все распланировано до конца недели и все пойдет обычным чередом. Вчера Гурову удалось уйти домой в семь часов вечера. Он сел ужинать, слыша через открытое окно, как под окнами бегают и шумят дети. И сразу захотелось чего-то уютного, простого. И Лев вымыл всю посуду, которая копилась в мойке два дня.

Чистота порадовала, но и вселила некоторую частичку вины перед женой. Маша уехала на гастроли неделю назад и просила не запускать квартиру. И вот... на второй день сломалась посудомоечная машина. А потом начала копиться в мойке посуда. Нет, жизнь определенно должна радовать тем, что иногда дает отдыхать от сюрпризов, неожиданно-

стей разного толка и просто непредвиденных обстоятельств.

И сегодня планерка в кабинете генерала Орлова началась вовремя, что было хорошим знаком. По причине свежести утра и открытых настежь окон офицеры явились в кителях, что делало их сразу серьезными и собранными. Гуров давно заметил эту особенность своих коллег. В форменных рубашках они чувствуют себя свободнее. И шуток звучит больше, и Орлов чаще призывает не отвлекаться на планерках.

Старый друг и неизменный напарник Крячко, когда Гуров поделился с ним этим наблюдением о влиянии форменной одежды на моральное состояние коллег, ответил просто. Станислав Васильевич долго глядел на Гурова, потом притворно вздохнул и заявил, что Гуров сам даже в штатском костюме с галстуком чувствует себя не так раскованно, как в легких летних штанах и льняной рубашке навыпуск. А тут китель! Такие мысли, по мнению Крячко, могут возникать у полковника полиции лишь по причине хронической усталости и приближающегося очередного приступа маниакально-депрессивного синдрома.

– Так! – объявил Орлов. – С этим закончили! Должников прошу поторопиться с планами, потому что предупреждений и поблажек больше не будет!

Гуров нахмурился и выпрямился за столом. Он поймал себя на том, что как-то расслабился и даже не слушал, о чем говорил шеф. Да, что-то второй день он никак не «соберется в кучу», ох, не к добру это.

– Так, теперь по текущим делам, – продолжил Орлов, ловко надевая очки на кончик носа и заглядывая в свои рабочие записи. – Сегодня ночью у нас в столице произошел очень неприятный инцидент. Около полуночи в приват-клубе скончался при странных обстоятельствах некто Полунин Павел Сергеевич. Личность довольно известная в политических кругах. Он возглавлял патриотическое движение «Восток». Движение молодое, набирающее силу, далекое от оппозиции, скорее наоборот, старающееся идти в ногу с существующей властью. Тем не менее есть мнение, – Орлов красноречиво окинул взглядом поверх очков своих подчиненных, – что смерть Полунина не случайна, что мы можем иметь в данном случае убийство, да еще с политической окраской.

– Ну-у, – уверенно подал голос кто-то из офицеров. – Этого нам не отдадут. Этим ФСБ займется. Руки у нас коротки политическими убийствами заниматься.

– А вот тут-то вы и ошибаетесь, – усмехнулся Орлов. Как показалось Гурову, не очень весело усмехнулся.

– Что, на нас свалили? – тут же спросил сидевший рядом Крячко. – А с какого перепугу?

– Если коротко, – нехотя ответил Орлов и склонил свою лобастую голову над бумагами, – версию о политическом убийстве не афишируют, хотя и признают ее вполне реальной. Утечки быть не должно. В нынешних условиях обострения внешнеполитической обстановки и возрастающего дав-

ления на Россию многим на Западе будет выгодно начать визг об отступлении в нашей стране от принципов демократии и начале истребления оппозиции.

– Вы же сами сказали, что движение «Восток» проправительственное, – послышался голос кого-то из офицеров.

– Даже если и так, – проворчал Гуров, – то всегда найдется нюанс, который кому-то выгоден, который разрисуют как выступление покойного против политики правительства и президента. Избитый ход. А мы, стало быть, всем своим видом будем изображать, что расследуем чистой воды уголовщину. Так?

– Да, Лев Иванович, – согласился Орлов. – Вот вы с Крячко и будете изображать.

– Типун мне на язык, – тихо проговорил Крячко, но его услышали, и вдоль стола для совещаний пошли смешки.

– Только изображать? – спросил Гуров.

– Нет, работать придется быстро и без ошибок, – серьезно ответил генерал. – Все, что нужно изобразить, изобразим я и вышестоящее начальство. А ваша со Станиславом Васильевичем задача взять это дело в свои руки и быстро довести до конца.

– Ну, это как всегда, – улыбнулся Крячко. – МУР привлекать будем или по старинке, сами как мальчишки бегать будем?

– Будете привлекать всех, кого сочтете нужным. Следственный комитет уже начал работу, МУР подключился. Вы

осуществляете общее руководство оперативно-следственными мероприятиями.

– Есть приказ о создании межведомственной группы? – удивился Гуров.

– Конечно же, нет, – хмуро глянул на него генерал. – И быть не может. Вы официально выступаете как кураторы от Главка, но фактически за вами все руководство. Я должен иметь руку на пульсе этого дела. И, честно говоря, мне хочется пойти в церковь и поставить свечку Николаю-угоднику, чтобы все это оказалось случайным стечением обстоятельств или в крайнем случае мезью мужа любовницы! Не люблю я ввязываться в политические разборки. Там не знаешь, с какой стороны по затылку получишь. Поэтому, ребята, максимум внимательности и... лучше лишний раз придите посоветоваться, чем лезть на рожон. Ну, вы оперативники опытные, чего я вас учить буду. Так, просто предупреждаю на всякий случай.

Пока сыщики шли по коридору до своего кабинета, Крячко очень живописно раскритиковывал очередной детективный сериал. Гуров молча слушал, понимая, что старый друг затеял этот разговор лишь для того, чтобы поднять ему настроение. Стас умел это делать. Никаких похлопываний по плечу со словами «ничего, прорвемся, и не такие дела распутывали», ни тяжелых многозначительных вздохов и грубового сочувствующего молчания. Он просто отвлекал, проносился в мозгу, как освежающий ветер, после которого ду-

мать легче. И сейчас весь этот треп был просто способом отвлечения.

– Ну? – Гуров сразу свернул к своему любимому дивану и откинулся на спинку, заложив руки за голову. – Пиши, Станислав. Первое: затребовать от экспертов результаты.

– Сначала письмо за подписью Орлова, – добавил Крячко. – Иначе будут мурыжить, несмотря на наш статус.

– Это обязательно, – согласился Гуров, глядя в потолок. – Второе: допросить самим персонал и составить свое видение картины последних часов и минут Полунина. Потом сверим с впечатлениями оперативников из МУРа. Третье: собрать максимум информации по этому «Востоку». Что за движение, к кому или чему тяготеют.

– По «Востоку» отдельно и по Полунину отдельно, – добавил Крячко, щелкая клавишами ноутбука.

– И еще бы разобраться с тем, а что такое приват-клуб и чем он отличается от любого другого ночного клуба.

– Не хочу вгонять в краску, Лев Иванович, – засмеялся Стас, – но это чисто мужской клуб, со всеми специфическими утками.

– Да-а? – многозначительно посмотрел на напарника Лев. – А ты, никак, бывал в таких, а, старый греховодник?

– Я-то? – отозвался Крячко самым загадочным тоном. – Вся моя молодость прошла в стенах таких клубов... Погубленная моя в разврате и удовольствиях молодость.

– Что, так все плохо? – хмыкнул Гуров.

– Ну, посуди сам. – Крячко, что-то поискал в ноутбуке, потом с довольным видом процитировал, внимательно глядя на экран: – В мягкой обстановке нашего клуба вы почувствуете полную гармонию. Окунетесь в чарующую атмосферу ночи, а наши очаровательные танцовщицы заставят мечтать своего восторженного зрителя. VIP-зона, ресторан с паназиатской кухней, караоке – это все лишь видимая часть вашего удовольствия, остальное скрыто от любопытных глаз.

– Даже так? Значит, скрыто от любопытных глаз? Надо полагать, что добровольно и охотно нам никто ничего рассказывать не будет. Ладно, давай познакомимся с тем, что же там скрыто и почему посетители падают там замертво.

Глава 2

Высокие светло-коричневые спинки мягких уголков охватывали невысокую сцену полукругом. Охранник, проводивший сыщиков в зал, щелкнул в углу чем-то на стене, и зал наполнился мягким теплым, чуть желтоватым светом.

– Обрати внимание, – толкнул Гурова локтем в бок Стас. – Спинки очень высокие, подковообразные, и расположены эти милые диванчики так, что с каждого из них не видно, что делается на другом. Смекаешь, как говорил капитан Джек Воробей?

– Чего же непонятного, – кивнул Лев. – Твори на своем диванчике, чего тебе вздумается и с кем вздумается. Да?

Охранник, к которому он повернулся со своим коротким последним вопросом, опустил голову, нахмурился и предпочел ретироваться к затемненному входу. Не любили тут распускать языки. Это было понятно с самого начала.

В тишине зала раздались торопливые звуки женских каблучков, которые даже на мягком покрытии умудрялись стучать звонко и уверенно. Невысокая молодая женщина в безупречном деловом костюме шла к сыщикам через зал с очень серьезным видом. Чувствовалось, что она тут хозяйка.

– Это вы из полиции? – сухо спросила женщина, оценивающе осмотрев каждого из мужчин. – Моя фамилия Луговая. Ирина Владимировна.

– Вы работаете здесь администратором, – констатировал Гуров, пряча в карман удостоверение личности, которое Луговая тщательно изучила. – Нам нужно с вами поговорить. Можно это сделать в спокойной обстановке?

– Да, конечно, – понимающе кивнула женщина и обвела рукой зал. – Самое спокойное и безлюдное место сейчас только здесь. Прошу вас.

Прежде чем сесть на диван с высокой спинкой, Гуров подозрительно осмотрел обивку. Он не думал, что увидит подозрительные пятна или еще что-то неприятное, но не смог удержаться. Крячко уселся с видимым удовольствием и забросил ногу на ногу. Луговая села так, как будто присутствовала на королевском приеме. Прямая спина, ноги поставлены чуть под наклоном вбок, руки спокойно и с достоинством лежат на коленях.

– Ирина Владимировна, – начал Гуров, – расскажите, как все произошло?

Вопрос был провокационный, и именно в такой форме он задал его специально. Разумеется, Луговая знала, что сыщики из управления пришли именно по делу смерти клиента клуба и ни о каком другом происшествии речи идти не может. Но вот такая размытая форма вопроса, заданного испуганному, крайне взволнованному или пытающемуся нечто скрыть человеку, приводила к хорошим результатам. Не зная, с какого места начать, и не имея представления о том, что уже известно полиции, допрашиваемый начинал пу-

таться и частенько говорил лишнего. За эти ниточки, которые он невольно давал в своих ответах, удавалось ухватиться, а потом уже распутать и весь клубок.

Но сейчас ситуация была явно иной. Луговая не путалась, ничего не боялась, и следов волнения на ее лице тоже не было видно. Железная баба, подумал Гуров с уважением. В руках себя может держать!

– Вы имеете в виду несчастный случай с посетителем? – спокойно и деловито осведомилась она. – В тот момент, когда ему стало плохо, меня рядом не было, поэтому я ничего не видела, а когда меня позвал бармен, сообщив, что в зале клиенту плохо, я сразу пришла.

– Бармен описал вам ситуацию?

– Нет, он просто констатировал факт. Из-за своей стойки он всего не видел, но, когда поднялся шум и когда клиент упал на пол, он сразу побежал за мной. К телу он даже не подходил.

Это Гуров знал из протоколов допроса свидетелей. Бармена допрашивали, и он действительно ничего не видел. А Луговая молодец! Грамотно ответила. Так, чтобы бармена не подставлять.

– Ирина Владимировна, – вдруг сказал сидевший сбоку Крячко, до этого рассеянно посматривавший по сторонам. Сейчас взгляд у него был холоден и даже немного суров. – Вы, кажется, немного не поняли. Игра «мы ничего не знаем и ничего не видели» здесь не пройдет. Отдавайте, пожалуйста,

себе отчет в том, что в вашу смену в вашем помещении был убит клиент. И работать вам придется вместе с нами очень плотно и напряженно! Пока мы не найдем убийцу. Это понятно?

Гуров быстро глянул на напарника, но потом вынужден был согласиться, что эта маленькая ложь помогла достичь нужного эффекта. Администратор опомнилась и действительно осознала ситуацию. Вовремя Станислав догадался поставить ее на место. Гуров врать бы не стал, а вот Крячко никогда не считал зазорным чуть приукрасить ситуацию для пользы дела.

Да и не соврал он, по большому счету. Не было еще результатов экспертизы, но основания полагать, что гражданина Полунина отравили, были, и Крячко просто высказал свою догадку. Процентов девяносто, что он прав. И эта администратор Луговая была далеко не дурой, она уже догадывалась, что клиент был отравлен, поэтому момент, чтобы встать в административную позу, был и в самом деле не совсем удачным.

– Я все понимаю, – кивнула она, и ледяная административная маска с ее лица исчезла. – Да, конечно, это случилось в нашем заведении и мы несем часть ответственности за случившееся. Так чем я вам могу помочь?

– Вы можете помочь активным участием, – хмыкнул Гуров, – а также поделившись всей той информацией, которую мы у вас попросим. Заявки на услуги предстоящего вечера

клиенты оставляют у вас, как у администратора?

– Только те, что касаются зала, – ответила Луговая. – Это заказ столика, меню с указанием количества приглашенных с клиентом гостей.

– Гостей? – переспросил Лев. – Каждый клиент может привести с собой гостей? Не членов клуба?

– Она имеет в виду девочек, – подал голос Крячко. – Так, Ирина Владимировна?

– Ну... собственно... да.

– И вы пустите девочек со стороны?

– Нет, – немного помявшись, ответила Луговая. – Конечно, нет. У нас свое эскорт-агентство.

– Я думаю, будет лучше, если вы, Ирина Владимировна, – снова вмешался Крячко, – расскажете нам подробнее о структуре вашего заведения. И не бойтесь нас шокировать. А что касается вашего начальства, то мы ему не скажем о вашей откровенности. Решайтесь, у вас этой ночью человека убили, последствия могут быть для заведения плачевными. И для вас, как администратора, в чью смену все это произошло, последствия могут быть критическими и сказаться на вашей дальнейшей карьере. Кто вас после этого на работу возьмет?..

– Хорошо. Вы обещаете, что Литвинов не узнает о подробностях нашего разговора?

– Мы вам обещаем, что он не узнает от нас, – ответил Гуров.

Сыщики прекрасно знали, чем живут подобные заведения и как тут отдыхают состоятельные мужчины. Спектакль с неведением разыгран был специально, чтобы понять, насколько правдива Луговая, насколько ей можно доверять. Даже не ей, а тем сведениям, которыми она собралась поделиться. Ведь на основании данных, полученных из беседы с персоналом, придется строить оперативный розыск. На основе этих данных, полученных улик и оперативной логики. Есть такая штука, которая основывается на типичных поведении непосредственных свидетелей, лиц, причастных к преступлению, а также виновных в содеянном.

Гуров и Крячко слушали Луговую, накладывая смысл ее слов на информацию из первых протоколов допросов, с которыми они успели познакомиться, а также на информацию непосредственно о самом «Занзибаре» и о подобных заведениях вообще. Кажется, администратор была искренней в своих суждениях и откровенно выкладывала сыщикам служебную информацию. Крячко, по обыкновению, достал из кармана блокнот и принялся делать в нем пометки.

То, что в одном здании с «Занзибаром» располагался тренинг-центр «Клеопатра», сыщики знали. Но знали они, оказывается, далеко не все. Если говорить образно, то им показали лишь верхушку айсберга. Оказывается, там не просто преподавали женщинам, как стать более сексуальными, какими упражнениями можно достичь того или иного эффекта в отношениях с мужчиной. Крячко даже перестал писать

и молча уставился на Луговую, когда та стала рассказывать, что в «Клеопатре» преподают искусство любви в прямом ее сексуальном смысле.

– Не сочтите мой вопрос бестактным, – медленно проговорил он, – но кто же служит моделями в этой «Клеопатре»? Мне что-то не верится, что все вами перечисленное можно преподавать в чистой теории.

– Нет, мужчин там нет, если вы это имеете в виду. Практические занятия там проводятся на муляжах.

– И что? – покрутил головой Крячко. – В «Клеопатру» ходят на занятия добропорядочные домохозяйки? Или там иной контингент?

– Вы напрасно иронизируете. Желающих записаться на тренинги вполне достаточно из самых различных слоев общества. Вам это кажется странным, потому что вы...

– Ну-ну-ну! – погрозил пальцем Крячко. – Не надо намекать на то, что мы с коллегой отстали от жизни в сексуальном смысле. У нас интерес чисто профессиональный.

– Я понимаю, – вполне серьезно согласилась Луговая. – Вас интересуют проститутки? Я не уверена, но жизненный опыт мне подсказывает, что и из их числа там есть клиентки.

– Вы не уверены, что в числе клиенток «Клеопатры» нет проституток, – задумчиво повторил Гуров. – Но то заведение находится в одном здании с вами, и кто же развлекает ваших состоятельных клиентов, как не жрицы из числа обученных в «Клеопатре»?

– Нет, никаких уличных шлюх, – вдруг резко и даже цинично бросила Луговая.

Гуров сразу ощутил, что за маской этой выдержанной лощеной молодой женщины скрывается натура властная и жестокая. Непростая дамочка, очень непростая. Хотя быть администратором в таком учреждении действительно непросто, тут, наверное, именно такие качества и нужны.

– Да, – продолжила Луговая, – именно оттуда к нам приходят женщины, обслуживать наших клиентов. Но они не с улицы, это преподаватели тренинг-центра.

– Как? – поперхнулся Крячко.

– Да, а что вас удивляет? – снисходительно усмехнулась она. – Они профессионально владеют всеми методиками, к тому же не страдают ложными комплексами. Многие из них замужем.

– М-да, – буркнул Стас, – ложные комплексы... кто бы мог подумать.

– А массажистки из массажного салона? – снова спросил Гуров. – Они здесь у вас с клиентами не подрабатывают?

– Насколько я знаю, им это категорически запрещено.

– Ну, хорошо. С покойным кто-то из девушек вчера проводил время?

– Нет, Павел Сергеевич пришел один. Да и столик он заказывал на одного. Он вообще всегда тут отдыхал один. И девочек не приглашал. В еде и питье был сдержан, и вчера он не был пьян.

– Вы за ним следили, откуда вы знаете, сколько он выпил?

– Нет, не следила. Я просто видела, что он вышел незадолго до смерти из массажного салона. А там в состоянии алкогольного опьянения не обслуживают. Наши клиенты это знают прекрасно.

– Ладно. Кто из официанток обслуживал вчера столик покойного? Вы должны были вызвать ее на это время...

– Да, я вызвала. Это новенькая девочка, она работала вчера первый день. Ее зовут Оля Петрякова. Пригласить ее сюда?

Гуров увидел, как в зал вошел невысокий человек в больших очках и с большими залысинами над висками. Он размахивал при ходьбе одинокой черной папкой и озирался в огромном зале. Это бы эксперт-криминалист из ГУВД капитан Максимов. Сыщики знали его уже года три по совместной работе. Знали как специалиста неторопливого, который своей неторопливостью мог довести до белого каления любого хладнокровного человека. Но если уж он за что-то брался, то обязательно доводил дело до конца. Поднимал на ноги всех знакомых и незнакомых, по собственной инициативе связывался с такими организациями и лабораториями, о которых Гуров, например, даже и не слышал. Но всегда Максимов приносил результат. Не слышали от него слов «не знаю», «нет возможности провести экспертизу».

– Ванька, мы здесь! – крикнул Крячко и поднял руку над спинкой дивана.

– Сегодня нас Максимов порадовал, – сказал Гуров, глянув на часы. – Какие-то экспресс-методы изобрел, что ли?

– Здравия желаю, – улыбнулся Максимов и, как обычно, сделал неуклюжую попытку и вежливо вытянуться перед старшими по званию, и вежливо кивнуть головой в полупоклоне. Все это он пытался сделать одновременно, и всегда у него это выглядело почти комично.

– Падай сюда, – подвинулся Крячко, освобождая место эксперту рядом с собой. – Что ты нам накропал за ночь?

– Я захватил с собой еще и результаты вскрытия тела, – виновато произнес Максимов, – поэтому немного задержался. А вы уже сюда уехали. Не все исследования провели, но картина кое-какая вырисовывается. Можно, я со своих дел начну?

– Дай-ка мне материалы вскрытия тела, – протянул руку Крячко, – я посмотрю, а сам пока Льву Ивановичу докладывай.

– Так вот, Лев Иванович! – толкнув привычно указательным пальцем дужку очков на переносице, начал эксперт. – В алкоголе со стола Полунина мы ничего не нашли. Кстати, если яд был растительного происхождения, то найти и не могли, он там разрушается. А вот в соке, который пил Полунин непосредственно перед смертью, мы нашли обыкновенную, но такую страшную белладонну.

– Так просто? Белладонной еще травят?

– Не очень часто, но еще встречаются такие отравления.

В двадцатом веке и в конце девятнадцатого это был очень популярный способ отравления. Пять-шесть ягод раздавить в стакане с питьем, и летальный исход гарантирован. Да еще вкус ягод горько-сладкий, в соке его и не почувствуешь.

– И где у нас растет белладонна, где ее может найти москвичка?

– Москвичка? – вскинул брови эксперт, отчего его залысины пошли складками. – Вы подозреваете...

– Так, – предупреждающе поднял руку Гуров, – об этом еще рано говорить. Давай-ка, Иван, расскажи про белладонну. Уверен, что ты уже порылся в справочниках.

– Ну, это известное лекарственное растение. Его еще, если не ошибаюсь, Парацельс описывал. Во всем мире его называют белладонной. У нас – белладонна, или красавка обыкновенная, иногда красуха, сонная одурь или бешеная ягода. Даже вишня бешеная. Ну, в общем, многолетнее травянистое растение семейства пасленовых.

– Интересная травка, – усмехнулся Лев. – Всю жизнь им бабы мужиков травят. Отсюда, что ли, название такое пошло, белладонна. Это же в переводе с итальянского «красивая женщина»?

– Да, но только я думаю, что название родилось раньше, чем были выяснены зловещие свойства этой травы, точнее ее ягод. А в старину итальянские дамы закапывали сок красавки в глаза, чтобы зрачки расширялись и глаза приобретали особый блеск. А еще ягодами натирали щеки, чтобы те при-

обрели «естественный» румянец. Вот поэтому у нас на Руси это растение издавна было известно как красавка. Другое название, «бешеница», связано с тем, что входящий в состав растения атропин может вызвать у человека сильное возбуждение, доходящее до бешенства.

– Ладно, и где его можно достать? Где у нас растет белладонна?

– В самых ближайших регионах – это Крым, Кавказ, Турция, горные районы Западной Украины. Но дело в том, что сейчас белладонну выращивают искусственно на плантациях. Промышленные плантации есть в Крыму, в Краснодарском крае и еще, это я узнал совсем недавно, такая плантация заложена и в Воронежской области. Так что... особых проблем с тем, где ее взять, я не вижу.

– Ну-ну-ну, – остановил Гуров эксперта. – Это что же, такое планирование этого преступления? Можно никуда не ехать и не привлекать к себе внимания. Мало ли других быстрых и надежных способов отравить человека? Хотя, если долго вынашивать планы... Может, кто-то Полунина и ненавидел давно и серьезно.

– Баба! – веско заявил Крячко, не отрываясь от результатов вскрытия тела.

– Слушай, Иван, – спросил Гуров, – а насколько агония Полунина соответствовала признакам отравления белладонной?

– Сколько времени он пил сок, установить вчера не уда-

лось, – пожал плечами эксперт. – Вообще-то я уточнял этот вопрос. Тяжелое отравление белладонной, как правило, приводит к полной потере ориентации. Наблюдается резкое двигательное и психическое возбуждение, часто судороги, резкое повышение температуры тела, одышка, посинение слизистых оболочек, пульс слабеет, падает артериальное давление.

– И собственно, от чего наступает смерть?

– От паралича дыхательного центра и сосудистой недостаточности.

– М-да, – покачал головой Лев, – примерно эти симптомы свидетели и описывали. Черт, нелепое отравление какое-то! Уж застрелили бы его, что ли, все было бы понятнее. А так... кому он мешал, кто вспомнил это старое зелье из выдавленных ягод белладонны?

– Вот и я думаю, – оторвался от бумаг Крячко, – политик, развивающееся патриотическое движение, хорошая кормушка. Кому он помешал? К оппозиции не относился, с другими движениями не конфликтовал. Зачем?

– Про кормушку ты хорошо сказал, – согласился Гуров. – Создавай видимость активной работы, выпячивай гражданскую позицию, собирай взносы и пожертвования. Может, бизнес, может, доходы не поделили? Дорожку кому-то перешел из теневых деятелей? Так, а вот нам и официантку, кажется, ведут. Ты, Иван, посиди пока, послушай, а мы с девушкой поговорим.

О девушке, которую подвела к сыщикам администратор, у Гурова сложилось двойное впечатление. Тридцати еще нет, пользоваться косметикой умеет, так что может сойти и за совсем юную особу, если будет себя соответственно вести. Фигурка... фигуру она себе сделала, скорее всего, бельем и корсетом. Рыхловатое тело, но она его подтянула довольно умело.

Гуров поймал себя на мысли, что рассматривает официантку слишком детально. Не хотелось делать поспешных выводов, но она первая напрашивалась в подозреваемые. Она очень легко могла быть тем человеком, который дал Полунину стакан с ядом. Мог быть убийцей и тот, кто в недрах кухни разливал сок по высоким стаканам. Но знал ли тот человек на кухне, какой стакан, кому и кто понесет? Сомнительно. Хотя возможна версия, что отравили как раз не того. Перепутали, скажем, стаканы.

И опять опыт Гурова подсказывал, что, готовя убийство человека из такого круга, подобных оплошностей не допускают, готовятся очень тщательно. Да и не станут подставлять исполнителя вот так напрямую. Не могла эта девушка быть исполнителем. Кто-то был еще, кто-то должен был ловко влить в стакан сок раздавленных ягод белладонны. Нужно выяснять, кто подходил к столу с момента, когда девушка поставила на него стакан. Или даже с момента, когда она взяла его на кухне и двинулась к столику Полунина.

– Здравствуйте! – напряженным голосом сказала девуш-

ка, выслушав от своей начальницы, кто эти мужчины перед ней и зачем.

– Здравствуйте, – радушно отозвался первым Крячко и галантно пригласил девушку садиться.

– Как вас зовут? – спросил Гуров.

– Оля. Ольга Петрякова.

– Вы москвичка?

– Я? – задала глупый вопрос девушка, продемонстрировав крайнее волнение. Впрочем, вполне объяснимое.

– Вы, – спокойно подтвердил Лев. – Я же с вами разговариваю и вам вопросы задаю. Так вы москвичка?

– Я... нет. Я родом из Рязанской области... Из Михайлова... Это город такой... районный центр.

– В Москве давно живете?

– С полгода, наверное. Может, чуть дольше.

– Живете на съемной квартире или своим жильем обзавелись?

– Я... – снова смутилась девушка, – я живу на квартире. На квартире у друга. Молодого человека.

Крячко быстро что-то писал в своем блокноте. Закончив, он поманил пальцем администратора и подсунул ей блокнот. Луговая прочитала, кивнула и быстро ушла.

– А вчера, Оля, вы тут работали первый день?

– Да, я вышла на стажировку... на испытательный срок.

– И сразу вас поставили работать самостоятельно?

– У меня же опыт, – немного оживилась девушка, почув-

ствовав знакомую тему. – Я у себя в Михайлове официанткой работала, кстати, в престижных ресторанах, так что у меня опыт есть. А здесь порядок такой, что первое время просто за тобой внимательно смотрят, но работать позволяют самостоятельно.

– Понятно, понятно, – остановил Гуров поток объяснений. – Скажите, Оля, этот Полунин, этот мужчина, которому стало плохо вот за этим столиком и который тут умер, он во сколько пришел?

– Я не знаю... столик был заказан на двадцать три ноль-ноль. Я накрыла... посуду расставила, а он... чуть позже пришел. Наверное, минут на пятнадцать опоздал.

– Из какой двери он пришел?

– Я не видела. У меня еще два столика было, я ими занималась, а потом смотрю, он уже пришел и садится. Я сразу подошла заказ принять... ну, может, он чего сразу захочет, а все меню, которое он оформил еще во время заказа столика, будет подаваться обычным чередом.

– Он был один, когда усаживался за столик?

Гурову пришлось останавливать девушку буквально на каждом слове и возвращать в нужное русло дополнительными вопросами. Потом пришла Луговая, сунув Крячко какую-то записку, потом пригласили вторую официантку, работавшую в ту ночь. Постепенно удалось установить, что к столику Полунина в тот вечер подходили трое клиентов приват-клуба. После того как все сошлись во мнении, за какими

столиками эти клиенты сидели в ту ночь, личности их удалось установить по книге заказов.

Правда, пришлось периодически прекращать допрос и успокаивать Ольгу, убеждая, что ее никто не уволит и ее вины ни в чем нет. Она соглашалась, но минут через десять снова начинала плакать и истерить по поводу своего возможного увольнения.

Когда официантки и администратор удалились, Стас протянул Гурову листок бумаги, который ему принесла Луговая.

– Вот адрес, где Петрякова живет со своим парнем. Она его указала в анкете при устройстве на работу.

– Улица Егорова? Метро «Мякинино»? Слушай, это же Красногорск...

– Почти, – кивнул Крячко. – Сразу за МКАД. «Замкадыши» они, как говорят у нас. Волоколамское шоссе.

– Слушай, Станислав... – Гуров машинально почесал бровь и на несколько секунд задумался. – Давай поступим вот как. Ты здесь заканчивай, разберись, что за услуги оказывают клиентам, кто работает, как взаимоотношения с клиентами, особо разберись с этими преподавательницами тренинг-центра.

– Спасибо за доверие и заботу! – шутливо поклонился Гурову в пояс Крячко. – Как к проституткам, так Крячко. Не бережешь ты меня, Лев Иванович. Ведь на износ работаю!

– Ну, на износ не надо, – отмахнулся Гуров, чуть улыбнувшись. – А я поеду, с этим дружкой Петряковой поговорю.

Она уже домой не поедет, у нее через три часа медосмотр по записи. Мне Луговая по секрету сказала, что Петрякова еще не оформила медицинскую книжку. Часов до четырех ее там промурыжат, и она домой не успевает. Два часа до смены, даже меньше, если учесть, что им являться на работу надо минут за тридцать-сорок.

– Это я понял, – усмехнулся Крячко. – А вот чем тебя эта девица заинтересовала? Ты же вроде сам меня пытался убеждать, что она подозреваемая лишь формально. Ни мотива, ни возможности, ни опыта... Хотя мы многого о ней не знаем, типаж она вполне определенный.

– Очень неприятно ее за спиной оставлять, – подумав, ответил Гуров. – Она формально у нас просто обязана быть в начале списка подозреваемых. Не по мотиву, а по возможности совершить преступление. Хотя бы в качестве наемного исполнителя. Не верю, сам не верю, но оставлять ее в тылу как-то тошно. Это как... как дупло в зубе... Очень неприятно, и никак забыть об этом не можешь. Тяготит, раздражает, ноет.

Когда Гуров ушел, Крячко сокрушенно покрутил головой, усмехнулся и решительно поднялся с дивана. По плану сейчас следовало допросить массажистку, оказывавшую услугу Полунину незадолго до его смерти. В акте сказано, что образцы, взятые с кожных покровов погибшего, не подтвердили наличия каких бы то ни было активных или ядовитых веществ. Исключительно растительные и синтетические со-

ставляющие широко применяемых кремов, в том числе и массажных. И тем не менее побеседовать с массажисткой, осмотреться в массажном салоне надо.

Девушка, в светлых классических джинсах и коротком топике, сидела прямо на столе, поставив аккуратные ножки в легких «балетках» на стул. Она курила, стряхивая пепел в пластмассовую крышку из-под какой-то мази и без всякого выражения смотрела на вошедшего мужчину.

– Вы – Инна Корзина? – Крячко мельком окинул взглядом комнату. Судя по всему, это был кабинет массажистов, а сами процедуры делали, видимо, не здесь.

– Да, – кивнула девушка. – Это вы из полиции?

– Полковник Крячко. Мне хотелось бы поговорить с вами о вчерашней ночи.

– Может, вам сначала массажик забабахать? – Взгляд девушки вдруг стал насмешливо-призывным. – Заодно и поговорим. У вас будет возможность погрузиться в обстановку.

– Нет, спасибо, – строго ответил Крячко, – вы вчера уже «забабахали» массажик одному клиенту, который спустя полчаса умер.

Девушка скрипнула зубами, недовольно нахмурилась и стала с остервенением тушить окурок в крышке из-под крема. Крячко с удовольствием наблюдал эту смену настроения и не торопил события. Наконец девушка закончила тушить, помедлила и достала новую сигарету из пачки, валявшейся рядом на столе.

– Я знала, – проворчала она, выпустив струю дыма вверх, – знала, что все стрелки переведут в итоге на меня. А я знаю, от чего он скопытился? Не от моего же массажа!

– Кто знает, – философски заметил Крячко и по-хозяйски уселся в кресло. – Поговорим?

– Поговорим, – буркнула девушка, слезая со стола, – чего не поговорить. Вы хоть знаете, какого рода мы тут массаж делаем?

– Естественно, – пожал плечами Крячко. – Эротический массаж, он же интимный. Только вы тут никакими особенными методиками массажа тела не пользуетесь. Максимум – это расслабляющий эффект, и тот достигается маслами и нежностью девичьих рук.

– И все? – хмыкнула девушка и тут же, поперхнувшись дымом, закашлялась. – Быстро же вы все изучили!

– Даже больше, чем вы думаете, – вздохнул Крячко. – У вас в прайсе есть строки с дополнительными услугами. Помимо массажа. Конечно, это документ для служебного пользования, и его мы пока как документ рассматривать не будем, но можно довольно легко установить, что массаж у вас очень часто заканчивается сексом с клиентом в той или иной форме. И ничем особенно ваше заведение не отличается от дома терпимости. Давайте будем честными.

– Ясно, – скривилась в горькой усмешке девушка. – Презираем, да?

– Лично мне плевать. Зарабатывайте деньги как хотите и

чем хотите. Пока вы тут законы не нарушаете, пока от вас вреда нет, можете развлекаться. Но сейчас вы на грани. Давайте вернемся к погибшему?

– Давайте, – послушно согласилась она. – А отчего он хоть умер-то?

– Вот, – усмехнулся Крячко, – теперь наконец и у нас пошел конкретный разговор, полный позитива.

– Идите вы к черту! – взмахнула руками массажистка. – Я его тискала там вон, на массажном столе, а спустя полчаса он копыта откинул. Бр-р!

– Неприятно?

– Да вообще жуть! А тут еще вы со своими дурацкими подозрениями.

– Почему же дурацкими? – сделал вид, что удивился, Крячко. – Массаж штука сильная, он на такие реакции способен. Вроде бы легкие движения, но воздействие ведется на такие точки и зоны организма, что можно понизить давление, повысить, можно в человека столько тонуса влить, что он тебе марафонскую дистанцию пробежит, а можно фактически обездвижить...

– Да знаю я, знаю. Я медик, у меня диплом массажиста, вы мне лекции тут не читайте...

– Тогда расскажите подробно, какие массажи вы делаете и какой именно делали Полунину.

– Это фамилия того, который умер? Уф-ф! – Девушка вздохнула и закатила глаза, изображая крайнюю степень без-

надежности ситуации. – Ничего особенного мы тут не делаем. Обычный гигиенический массаж.

– Гигиенический?

– Ну, понимаете, существуют четыре основных вида массажа – это гигиенический или оздоровительный, потом есть лечебный массаж, спортивный, косметический. Если вам для общего развития или для дела надо знать, то могу добавить, что гигиенический массаж применяется как дополнительное средство для профилактики заболеваний, ну и вообще ухода за телом, для сохранения нормального функционального состояния организма, укрепления здоровья. Благодаря этому виду массажа повышается жизнестойкость организма, возрастает иммунитет. Это и общий массаж, и локальный. Часто его практикуют в сауне, в русской бане и...

– Значит, вы, Инна, оздоровлением организмов клиентов тут занимаетесь? – перебил ее Стас.

– Да ну, на фиг, – цинично сморщилась девушка. – Мы используем основные элементы этого массажа. Эффект есть, конечно, но главное не это. Просто мы выбираем из основного набора приемов те, которые воздействуют на мужские эрогенные зоны. Вот и весь секрет! Ничего особенного мы тут с ними не делаем. Не отчего ему было умирать. Если только с давлением проблемы были, так мы справок о здоровье не спрашиваем. Если кровоизлияние в мозг, то еще понятно, а больше... Не знаю.

Крячко сидел за приставным столом в кабинете Орлова и нервно барабанил пальцами. Генерал разговаривал по телефону, начальство явно выражало генералу свое неудовольствие. Причем в грубой и незамысловатой форме. Кажется, кто-то из заместителей министра. Наконец Орлов положил трубку и энергично шевельнул губами. Однако матерных слов с его губ не сорвалось.

– Ну? – откидываясь на спинку кресла и разглядывая Крячко, произнес он. – Значит, говоришь, место там неприятное? Сплошной разврат и разнузданный беспорядочный секс. Ну, там хоть все по обоюдному желанию, а тут вот, – кивнул генерал на аппарат внутреннего телефона, – тут в принудительной форме! Хочешь не хочешь, нравится тебе не нравится, а тебя... по полной программе. Он начальник, ему можно, а ты терпи!

– Ну, ты, Петр, загнул, – рассмеялся Крячко. – Так ведь на любой работе...

– Это я шучу, Станислав! – махнул рукой Орлов. – Специально, чтобы ты не думал, что жизнь за пределами наших кабинетов чем-то принципиально отличается. Вы там с Гуровым все из себя принципиальные, теории любите. Вон ты мне только что излагал. А жизнь, она проста и незамысловата. Или ты начальник и всех имеешь, или ты подчиненный, но тогда извини... Просто на большинстве должностей «это» происходит в переносном смысле, а вот в этом массажном салоне – в прямом. Не завуалированном.

– Да понял, понял, – вздохнул Крячко без всякого энтузиазма.

– Ну а раз понял, тогда давай по порядку. Что у вас там с версиями?

– Учитывая расположение клиентов и персонала в зале с момента выхода Полунина из массажного кабинета и до момента его падения на пол в судорогах, у нас вырисовываются четверо подозреваемых. Но подозревать мы их можем пока только как людей, у которых была возможность отравить Полунина. Ни о каких мотивах пока и речи нет.

– Первым у вас на очереди, конечно, персонал? Кто готовил пищу, кто ее приносил.

– На кухне вряд ли успели бы влить в стакан с соком яд. Стаканы стоят уже наполненные самыми ходовыми соками, официантка просто подходит и берет один из них. Сам понимаешь, что можно перетравить половину зала, пока стакан не попадет к нужному человеку на стол. Нет, так рисковать убийца не стал бы. Яд влили уже потом, когда стакан либо уже стоял на столе у Полунина, либо...

– Пока его несла официантка, – закончил мысль Орлов.

– Конечно. Гуров сейчас занимается этой версией. Красивая версия, но какой мотив у девки двадцати восьми лет, которая приехала в Москву из провинции устраивать жизнь? И на фига ей это надо? Как наемный исполнитель она тоже нам не видится. Все очень просто, и каждому дураку понятно, что ее проверять и подозревать будут первой, и ниточка

через нее моментально приведет к заказчику или организатору. Нет, это несерьезно!

– Но Гуров ее проверяет?

– Гуров упертый, Гуров не любит, когда такие хвосты остаются в деле. Но он тоже понимает, что эта проверка не более, чем попытка «закрыть вопрос» и больше к нему не возвращаться.

– Ладно, кто еще у вас на очереди?

– Ух, – закатил глаза Крячко. – Ты не поверишь, там зацепиться не за что! Там люди с таким статусом отдыхают, что в голове не укладывается, чтобы кто-то из них сам пошел на преступление, такие люди нанимают исполнителей. А тут все три подозреваемых со статусом. Смотри. – Он стал загибать пальцы на руке. – Ергачев – заместитель начальника департамента в Федеральной таможенной службе. Фигура?

– Фигура, – согласился Орлов.

– Эта фигура непосредственно перед самой кончиной Полунина в страшных судорогах стояла перед его столом в неприлично пьяном виде и о чем-то с покойным разговаривала. Это видели многие. Второй! Свечников – ведущий специалист в аппарате президента. Структура аппарата, в которой он служит, ведает работой с регионами.

– Свечников в какой момент подходил к столу Полунина?

– Почти сразу, как только Полунин вошел в зал и сел за свой столик. Не удалось установить точно, надолго ли Свечников останавливался возле Полунина. Видели его несколь-

ко человек, но точно утверждать никто не может. Точно так же никто не может утверждать, что у стола Полунина задержался и третий претендент на роль убийцы. Он тоже проходил мимо, даже остановил одну из официанток, но...

– А кто третий?

– А-а! Третий – это вообще интересная фигура. Третий – это Олег Васильевич Баринов, владелец данного заведения. – Крячко с довольным видом откинулся на спинку кресла и торжествующе посмотрел на генерала.

Орлов задумчиво барабанил пальцами по столу, сдвигая складки на своем мощном черепе. Наконец он изрек:

– Н-да, это определенные перспективы... бесспорно. Владелец клуба мог вполне тщательно организовать отравление Полунина. У него все шансы, он мог до секунды рассчитать преступление. Остается ответить на один маленький вопрос. А на хрена ему это нужно? Я так понял, Станислав, что мотивов нет ни у кого из этой четверки?

– Мы их пока не нашли. Начинаем изучать личности всех четверых, попытаемся найти точки соприкосновения. Возможно судьба или бизнес кого-то из них пересекались с Полуниным. Но согласись, Петр, что тут много натяжек! И самая главная из них заключается в том, что Полунина убрали очень нетипичным способом. В той среде, к которой относятся Баринов, Свечников и Ергачев, киллеры так не работают. Там все надежно и незамысловато: несколько выстрелов, потом последний в голову, и тишина. Или просто исчезнове-

ние человека. И потом его труп мы вылавливаем в Москве-реке.

– Н-да, – кивнул Орлов, – в эту схему ложится только официантка. Но девке, приехавшей из провинции устраивать личную жизнь и судьбу, такой ерундой заниматься глупо. Вы хоть запрос по ее прежнему месту жительства направили? Я что-то не помню, чтобы...

– Отправили, отправили, – торопливо заверил Крячко и тут же перешел к другому делу.

Орлов посмотрел на него, вздохнул сурово, но промолчал. Грешили его подчиненные Гуров и Крячко тем, что отправляли иногда запросы в другие города и различные управления Москвы за его, генерала Орлова, подписью. Это было нарушение субординации и даже должностной проступок. Но Орлов понимал, что иногда промедление в их работе стоит очень дорого, что он, генерал Орлов, часто отсутствует в кабинете... А еще он не мог сердиться на этих двоих своих сотрудников. Они были не только самыми опытными, они были его старыми друзьями. И он им верил. Если Гуров отправил запрос от имени Орлова, значит, так действительно было нужно. Так было быстрее.

Да, считал Орлов, Гуров и Крячко правы. Нанимать в исполнители убийства официантку из Рязанской области, да еще вышедшую на работу в клуб в свой первый рабочий день, – это не просто глупо, это нелогично. Не логично прежде всего потому, что Петрякова не знала расположения

зала, не могла многого предвидеть и рассчитать в своих действиях. А ей предстояло очень четко выбрать секунду, чтобы влить яд в стакан с соком. Это же надо умудриться так ловко все проделать. А такая ловкость возможна была бы, если бы Петрякова проработала хотя бы пару недель в клубе, присмотрелась, понаблюдала за Полуниным, за его привычками, манерами поведения. Нет, подозревать официантку глупо, тут ребята правы. Отработают ее версию, и в сторону. Заниматься надо этими тремя высокопоставленными фигурами.

Глава 3

Итак, Станислав Казаченко. Двадцати шести лет, не женат, не судим, на учете в психоневрологическом диспансере не состоит, у нарколога тоже. Приличный парень, программист, работает системным администратором в двух фирмах, наверняка и на дому платные заказы выполняет. И лицо хорошее.

Гуров рассматривал увеличенное фото, которое ему прислали из Управления. Снимался Станислав в двадцать пять лет на паспорт. Лицо не напряженное, как это бывает обычно у людей, фотографирующихся на документы. Но и наглости, излишней самоуверенности в нем нет. Скорее, как говорится, «не от мира сего». Живет в своем собственном виртуальном мире, сожительница у него на три года старше, да еще и из провинции приехавшая в столицу.

– Зачем тебе Ольга Петрякова, а, Стасик? – вслух спросил Гуров. – Хороша в постели, заменяет тебе маму родную или у тебя тяга к женщинам старше себя? Или ты, глупышка, не понял, что она тебя окручивает? Не верится что-то в сильную любовь, хотя, может, я, старый черствый сыщик, слишком предвзято к тебе отношусь.

Гуров сидел в машине возле дома, где жил Станислав Казаченко, уже второй час. Он несколько раз принимался рассматривать фото и пытался составить для себя психологиче-

ский портрет парня. Времени на то, чтобы наводить подробности о нем справки во всех местах, где его знали, не было, да и необходимости тоже. Нужно было поговорить с Казаченко по душам, расспросить про Ольгу и закрыть на этом вопрос. Но что-то заставляло Гурова не торопиться. И вот сегодня он решил немного покататься за Казаченко, посмотреть, куда он ездит, с кем общается. Если поедет в одну из фирм, где работает, то можно прикинуться потенциальным клиентом и попытаться склонить его к разговору о проблемах со своим компьютером.

Дверь подъезда широко распахнулась, и появился худощавый высокий парень в обрезанных выше колен вытертых джинсах и летней легкой рубашке нараспашку. На плече у него болталась черная мягкая сумка, в которых обычно носят ноутбуки. Куда же программисту без ноутбука, весело подумал Лев и взялся за ключ в замке зажигания. Казаченко бросил сумку на сиденье старенького «Опеля» и лихо тронулся, наводя сыщика на мысль, что у парня сегодня хорошее настроение. Или он вообще по жизни оптимист?

Через два часа мотания по городу Гуров начал откровенно злиться на самого себя. Что-то он тут перемудрил. Сам же убеждал себя, что Петрякова не может быть замешана в деле убийства Полунина, и сам же начал вести себя так, словно ждал, что ее сожитель выведет его на заказчика преступления. Надо было не тратить полдня, а заявиться утром к этому Казаченко домой или вызвать его к себе в кабинет и там

допросить.

А ведь он интуитивно предполагал, что разговора не получится, что нужно для большего откровения найти ключик к парню, найти возможность поговорить максимально откровенно. А все участковый местный его смутил, парень, видите ли, ему показался слишком упрямым. В закон любит играть, вечером в квартиру его не пустил. Вполне имел такое право, между прочим. Это в советские времена, помнится, слова «откройте, милиция» имели магический эффект. А сейчас, особенно если учесть количество ограблений и других нападений под видом работников полиции, это вполне нормальная реакция населения. Как работают, как защищают своих сограждан от преступников, такова и благодарность, таково и отношение к ним.

Казаченко за эти два часа встретился с тремя мужчинами в трех разных местах. С одним он разговаривал в своей машине, с двумя другими просто на улице. Гуров попытался прикинуть по внешнему виду род деятельности каждого. Наверное, первый был компьютерщиком. А вот двое других, не исключено, в компьютерах разбираются плохо, и встреча носила оттенок консультации. В последнем случае Казаченко даже деньги получил. Видимо, за прошлую работу.

Гуров по привычке сфотографировал каждую встречу. Все, подумал он, пора заканчивать эту глупую слежку и просто поговорить с парнем. И тут, после ухода третьего мужчины, с которым общался Казаченко, к нему в машину села

девушка. Она выбежала откуда-то со стороны сквера, чмокнула Казаченко в губы и по-хозяйски уселась на переднее сиденье. А вот это уже интересно, подумал Лев, включая зажигание и выворачивая руль, чтобы тронуться следом за стареньким «Опелем». Теперь ему стало очень любопытно.

«Опель» ловко маневрировал в потоке машин, и это навело сыщика на мысль, что этим маршрутом Казаченко ездит часто. Жить с любовницей и иметь любовницу? А парень-то открывается со все более интересных сторон. Та-ак! «Опель» выскочил на Старовольинскую улицу и сбавил скорость. Теперь вокруг стеной возвышались деревья Матвеевского леса. Машин было мало, и Гуров решил увеличить дистанцию.

И вдруг он как-то сразу потерял машину Казаченко. Только что «Опель» скрылся за поворотом дороги, и вот уже на прямом участке пусто на пару километров вперед. Лев выругался и развернул машину через сплошную линию. Так, теперь внимательно. Справа тянется отбойник из рифленой стальной полосы. Значит, Казаченко мог свернуть лишь налево. Но здесь нет ни одного поворота и ни одной грунтовой дороги. Не в воздух же он поднялся!

Ехать пришлось со скоростью едва ли не тридцать километров в час. Сыщик внимательно осматривал стену деревьев и кустарников на противоположной стороне дороги. За ним появлялась то одна, то другая машина. Несколько секунд они также плелись, потом начинали отчаянно сигнала-

лить, нервно обгоняли его и уносились вперед. И вот наконец Гуров увидел, то, что искал.

Чуть примятая трава и след двух колес между деревьями, уходящий куда-то вглубь. Он еще раз нарушил правила, развернувшись через сплошную полосу, и остановился на обочине. Итак, парень посадил в машину девушку. В этом криминала нет. Девушка перед этим нежно чмокнула его в губы. При наличии гражданской жены – это уже намек на то, что у Казаченко есть возлюбленная на стороне, коллега по работе так бы не целовала. И третье, Казаченко завез ее в ближайшую лесную зону. Эх, молодость, молодость. Лев покачал головой, взял с сиденья портативную видеокамеру и вылез из машины.

Ну, вот, дружок, теперь ты мне все расскажешь, подумал он, хмурясь. Из-за высокого кустарника виднелся только багажник «Опеля», и машина еле заметно покачивалась. Как ни неприятны такие методы, но теперь будут показания Станислава обо всем, даже о том, чего бы он не хотел говорить на официальном допросе. Официальность сейчас пока не нужна, нужна оперативная информация.

Гуров взял на камеру крупным планом багажник машины, потом стал перемещаться вправо. Теперь номерной знак, теперь выше, на заднее стекло. Хорошо видна девушка, сидящая верхом на ком-то, кто лежит на переднем кресле с опущенной спинкой. Секс в самом разгаре, но лица мужчины не видно. А ведь именно с ним потом разговор будет. Ага...

Девушка обессиленно опустила на своего партнера, машина закачалась, внутри произошло шевеление, потом мелькнула знакомая шевелюра и плечо в той самой рубашке, в которой Казаченко сегодня вышел из дома. Так, теперь он ее благодарно целует... Вот! Спасибо, Стасик! Голова в машине поднялась, и лицо Казаченко попало в кадр. Ну, вполне достаточно, подумал Лев. Девушку компрометировать пока не стоит.

Он опустил камеру, повернулся, чтобы вернуться к своей машине, и в этот момент Казаченко поднял лицо и увидел постороннего рядом со своей машиной. Гуров улыбнулся парню и двинулся к дороге. Теперь не дать ему уехать, а заставить сесть и поговорить. Незачем опять время терять. Надо ковать железо, пока оно горячо!

Через пять минут из-за деревьев показался знакомый «Опель». Казаченко притормозил, увидев, что выезд на шоссе перегородила машина, посигналил, но водитель в незнакомой машине даже не шелохнулся. Тогда молодой человек вылез из кабины и пошел объясняться. Гуров опустил стекло пассажирской двери и с любопытством посмотрел на Казаченко.

– Слышь, мужик, – небрежно махнул рукой компьютерщик, – ну, ты место нашел, где встать! Я тебя не объеду.

– Не могу я отъехать, – развел руками Лев. – Мне твоя помощь нужна.

– Толкнуть, что ли? – не понял Казаченко.

– Посоветоваться, – неопределенно ответил сыщик и кивнул головой на место рядом с собой. – Иди на сиденье.

Казаченко чуть помедлил, но потом решительно открыл дверку и уселся рядом.

– Вопросы у меня к тебе, Стас. Поговорить надо.

– Что? – Казаченко мгновенно весь подобрался и чуть отодвинулся на сиденье от незнакомца. – Откуда вы меня знаете?

– Стас, не тяни резину. Я – полковник полиции, если для тебя это важно, и мне нужно поговорить с тобой о твоей сожительнице Ольге Петряковой.

Гуров сразу заметил, какой опасливый взгляд бросил парень в сторону своей машины, где сидела девушка. Упоминание Петряковой в этой ситуации ему сразу не понравилось.

– А чего о ней говорить? – уперся Казаченко. – Я, между прочим, имею право не давать показаний против близкого человека. И не важно, что мы с ней не расписаны. Все могут подтвердить, что мы с ней живем, как муж и жена, уже полгода. У нас семья.

– Я понял, понял, – махнул рукой Гуров. – Почему ты не спрашиваешь меня о причинах такого интереса?

– А я спрашиваю!

– А что так неуверенно? – удивленно поднял брови Лев. – Любой другой на твоём месте сразу взвился бы, как ошпаренный. Полиция приходит и спрашивает о жене!

– Я просто... уравновешенный. Вот спрашиваю: а что слу-

чилось?

– Я отвечу, но только после того, как ты ответишь на мои вопросы. Скорее всего, мы просто ошибаемся, но поговорить надо.

– А почему в лесу? Как вы меня нашли? Я не буду вам ничего говорить. У меня вообще антагонизм с полицией. Вам наш участковый может подтвердить. Он тоже любитель вопросы задавать и слоняется без дела, делая вид, что защищает граждан от преступности. Извините, но я спешу.

– Не торопись, Стас, – остановил Гуров парня. – Я ведь не хотел тебя шантажировать, но, видимо, придется. Вот этой твоей девочкой, с которой ты сейчас Ольге Петряковой изменял.

– А на слово вам никто не поверит, – усмехнулся Казаченко. – К тому же я еще и «телегу» могу вам на работу накатать, за огульные обвинения, порочащие мое доброе имя. Я – примерный семьянин, а с моей знакомой мы ехали по делам, вы ничего...

И в этот момент взгляд Казаченко упал на камеру, где Гуров демонстрировал снятые им кадры. Парень мгновенно осекся, сморщился, как от зубной боли, и, опустив голову, пробормотал что-то еле слышно.

Вдруг сзади, резко сбросив скорость, прижалась к обочине машина ДПС. Открылись дверки, и двое лейтенантов двинулись неторопливо в сторону машины Гурова.

– Вот так! – обрадовался Казаченко. – Вот сейчас мы и

проверим, кто ты такой!

Когда к машине подошел инспектор, Лев опустил свое стекло.

– Товарищ лейтенант, проверьте у него документы! – чуть ли не закричал со злорадством в голосе Казаченко. – Он шантажирует меня!

Гуров вытащил из кармана свое удостоверение и протянул лейтенанту. Тот прочитал и молча взял под козырек. Казаченко очень внимательно смотрел на их лица и молчал, понимая, что все складывается как-то не в его пользу.

– Я прошу вас подежурить тут немного, – сказал Гуров лейтенанту, пряча служебное удостоверение в карман. – Хочу, чтобы нам не мешали, да и помощь ваша может понадобиться. А ваш напарник пусть постоит возле вон того «Опеля». Если девушка захочет сбежать, задержите ее.

– Есть, товарищ полковник! – снова откозырял лейтенант и пошел передавать распоряжение своему напарнику.

– Полковник? – недоуменно переспросил Казаченко. – Ни хрена себе... А вы откуда, вообще?

– Давно бы так. Полковник Гуров. Главное управление уголовного розыска МВД России. Так поговорим об Ольге? Я ведь не постесняюсь твои похождения ей показать. Просто из принципа. Но согласен и забыть, если ты мне будешь помогать. Согласен на такие условия?

– Ладно, ваша взяла. Вляпался я сегодня.

– Вляпался, это точно, – согласился Гуров. – Как ты по-

знакомился с Ольгой?

– А она в магазинчике продавцом работала. Ну, такой, где диски всякие продают с фильмами, с мультиками. Там приятель мой работает, вот он нас и познакомил.

– Когда это было?

– Да уж с полгода, наверное. Мы с Ольгой с месяц потушили, а потом сошлись. Вместе жить стали.

– Любовь? – спросил Гуров и внимательно посмотрел в глаза парню.

– С ее стороны... вроде да, – пожал плечами Казаченко. – А я... не люблю такими словами разбрасываться. Да и не готов я еще к серьезной семейной жизни.

– А она в тебя сразу влюбилась по уши, да?

– Слушайте, вас что-то очень такие подробности интересуют, вы не извращенец, часом?

Гуров продолжал выжидающе смотреть, посчитав данный вопрос чисто риторическим. Казаченко взглянул ему в глаза и, отвернувшись, проворчал:

– Ну да, в постели она заводная. Такое ощущение, что в ней каждый раз бесы просыпаются. Вроде девка девкой, а как начнешь ее обнимать, да... ну, вы поняли, так у нее как будто все это в последний раз. Аж до исступления. Подсадила она меня на такой секс, вот и не захотел расставаться... вместе стали жить.

– Она с самого начала такой была?

– Ну, вы точно извращенец! – нервно рассмеялся Каза-

ченко. – Вообще, она девка, конечно, странная... Вы хоть намекните, чего она натворила-то?

– Не переживай и не бойся, – тихо ответил Гуров. – Мы просто пытаемся понять, в какой она степени может быть свидетельницей по одному делу. Напрямую у нее спрашивать нельзя, а вдруг ошибаемся. Короче! Так надо, специфика работы требует.

– Ну, хоть не преступница она?

– Да ты совсем запуганный какой-то, – рассмеялся Лев. – Говорю же, что не преступница, успокойся. Так как у вас начинались отношения?

– Как, как... У того друга я ее и отбил! Она с ним сначала была. А потом ко мне перекинулась.

– С этим все ясно. Ладно, что мы все о сексе. Расскажи, откуда она приехала в Москву, как у нее тут все складывалось?

– Да за месяц до моего с ней знакомства она и приехала. Из-под Рязани она, из райцентра какого-то. Искала тут работу. Из магазина, когда со мной мутить начала, сразу ушла. Я ей поначалу еще помогал с поиском работы, но она все сама да сама, ну, я и махнул рукой. Если честно, так и не понял, что ей за работа была нужна. А потом вот нашла этот ночной клуб. Говорит, там хорошо платят. Я, конечно, не Рокфеллер, но зарабатываю хорошо. Я понял потом, что она независимости финансовой хочет. Мало ли... разбежимся, а у нее за душой ни копейки.

Гуров возвращался в Управление, когда позвонил Крячко:

– Ну что, Лев? Что с нашей Петряковой.

– Ты знаешь, Станислав, у меня такое впечатление, что девочка ничем не брезгует, лишь бы в Москве зацепиться.

– Частое явление, – хмыкнул Крячко, – это не мотив для убийства.

– Да знаю я, знаю! Сам так же думаю. А вообще она за полгода столько мест работы перебрала, столько времени все чего-то искала, что я готов на нее рукой махнуть. Так киллеров не подставляют. Нет, пустышка!

– Ну и ладно. У меня сегодня по плану вечером беседа с управляющей этим загадочным тренинг-центром «Клеопатра». Не хочешь присоединиться?

– Давай сам, Станислав, ты лучше там в обстановке разберешься. А я хочу еще встретиться с Незнамовой.

– С певичкой из клуба?

– Да, она мне показалась достаточно независимой. Ее эта работа в клубе не особенно держит, и сторонится она как-то остальных работников.

– Я тоже заметил.

– Вот и хочу с ней поговорить в неформальной обстановке. Боюсь, в кабинете нужного разговора не получится. А тут... она певица, у меня жена – актриса, может, и разговорю ее. Она наверняка сумеет очень интересную картинку этого

злачного места нарисовать.

– Смотри там, осторожнее с певичками, – засмеялся Крячко.

– Да перестань, – поморщился Гуров. – Она девушка интеллигентная, как я понял. Да и я про жену рассказывать буду в целях налаживания творческой атмосферы и собственной безопасности. Это если ты боишься, что она флиртовать начнет.

– Ну-ну! – глубокомысленно заключил Крячко.

Телефон Незнамовой не отвечал весь день, и Гуров не был так уж позитивно настроен на успех сегодняшней беседы. У него был целый список мест, где Светлана Незнамова могла находиться в свободное от выступлений время. Девушка числилась почасовиком в музыкальной школе, где преподавала эстрадный вокал – все-таки консерваторское образование, – и могла находиться и в редакции музыкальных программ столичного телеканала, где участвовала в подготовке к выступлению участников музыкального конкурса, и в одной из студий, где записывала диск вот уже второй месяц, как только была в состоянии заплатить за студийное время. Гуров обзвонил все известные ему места, играя роль то родственника, приехавшего с Урала, то друга, то продюсера, то спонсора, то эстрадного драматурга. Незнамова как в воду канула!

Во дворах домов на проспекте Мира, даже за пределами Садового кольца вечером припарковаться сложно. Если да-

же ты найдешь местечко, куда приткнуть свою машину, то не факт, что через час тебя не «запрет» кто-то из местных, и весь вечер, а то и часть ночи ты проведешь в поисках виновника, терзая сигнализацию его машины и нервы жильцов дома. Не исключено, что тебе еще и начистят физиономию из-за поднятого шума.

Гуров оставил машину возле «Макдоналдса» и отправился пешком проводить рекогносцировку. Надо найти дом и квартиру, где живет Незнамова. Если ее в самом деле нет дома, можно попытаться аккуратно поговорить с соседями. Мало ли. Не хотелось думать о плохом, но певица весь день недоступна по мобильной связи. А если она была важным свидетелем, а если от нее просто кто-то решил избавиться? Хорошо, если у нее просто телефон отключен. Или украли, например.

Дом Незнамовой, как и положено литературе «Б», стоял во втором ряду строений. Планировка таких домов Гурову была хорошо знакома, и он без труда нашел окна нужной двухкомнатной квартиры на третьем этаже. Света в окнах не было. Лев осмотрелся по сторонам. Кроны старых деревьев закрывали половину двора от света фонарей. Достаточно светло было лишь у подъездов. А дальше – забор какого-то ведомства, небольшая автостоянка, машин на пятьдесят, здание бойлерной... И всюду натканы, как шпроты в банке, машины, машины, машины...

Ну что? Сыщик посмотрел на часы, времени без пяти

одиннадцать, а это значит, что с ним соседи вряд ли станут разговаривать. Без формы и так поздно... И все же надо попытаться хоть кого-то расспросить про Незнамову.

Гуров бросил взгляд вправо, влево. Дом длинный, к нужному подъезду, миновав его пост, никак не подойти. Но наблюдать за подъездом и угадывать в каждой идущей женщине Незнамову смысла нет. Сыщик прошел между припаркованными на ночь машинами, перепрыгнул через небольшую лужу, образовавшуюся в яме проломленного асфальта, и тут же услышал возбужденные голоса.

Их было трое. Трое здоровых, накачанных парней, и у каждого на плече сумка. Это наводило на мысль, что шли они как раз из спортивного зала. Только вот возбуждение было не совсем трезвым, опытному оперативнику сразу стало понятно, что парни навеселе. С ними была и девушка, и тоже крепко навеселе. Она все время оступалась, или у нее подворачивалась нога, ведь туфли у нее были на очень высоких каблуках.

Что-то в мозгу сыщика на уровне подсознания коротко просигналило, что не все в порядке. То ли интонации голосов, то ли активная жестикуляция, то ли просто привычная настороженность к ситуации, в которой замешаны пьяные люди. Ситуация, которая очень часто граничит с бедой. Увы, профессия приучила видеть этот мир под таким углом.

Гуров не ошибся. Задержавшись под старым вязом и прищурившись к компании, он довольно быстро понял, что де-

вушка с парнями незнакома, что они только сейчас встретились, и эта веселая тройца напрашивается к девушке в гости. Напрашивается настырно, нагло. А девушка в таком состоянии, что ничего не может понять. Гуров же, наоборот, прекрасно понимал, что у этих троих развеселых парней на уме. Хорошо, если просто подурчатся и отпустят, а если...

А вот это уже, ребята, переходит все границы! Он ругнулся про себя, поминая недобрым словом нерадивых родителей, дебильных детей и современную систему образования и воспитания. Подвыпившая тройца воровато оглянулась по сторонам, потом пьяненькую девушку подхватили под руки, и один из парней полез в ее сумочку. Один миг, и он безошибочно выудил оттуда ключи от квартиры... Скоты! А завтра она ничего не будет помнить из того, что было... кроме грубого насилия. Дура!

Гуров перепрыгнул через лужу и сразу оказался под ярким фонарем у подъезда. Парни замерли, уставившись на дядьку, появившегося неизвестно откуда. Этот мистический момент стоило использовать для своих целей, подумал сыщик, озабоченно разглядывая парней вблизи. Ребята хоть и «под градусом», но крепкие, тренированные, здоровые. А Гуров уже не тот... не мальчик... Но выхватывать пистолет и командовать... Пистолета, кстати, с собой сегодня нет...

– А вы не из этого подъезда! – громко объявил он. – И зачем вы в чужой сумочке роетесь? Да, вот ты... рыжий, который оттуда ключи вытащил.

Самым простым и умным в этой ситуации для парней было бы выйти из щекотливой ситуации с честью. Благо незнакомец такой шанс им дал. Очень просто объявить, что они провожали незнакомку, беспокоились, что ее могут обидеть, ограбить. А ключи они из сумки вытащили, чтобы открыть ей дверь и... пожелать спокойной ночи. Сама она открыть дверь была не в состоянии, это очевидно. Гуров ждал подобной реакции, но парням в голову ударил алкоголь...

– Че ты сказал? – мгновенно выпятил челюсть светловолосый, который еще держал в руках ключи. – Сюда иди!

Гуров демонстративно засунул руки в карманы брюк и остался стоять посреди автомобильной дорожки напротив подъезда. Ему нужно было пространство для маневра, если эти трое здоровяков решат напасть.

– Девушке, по-моему, пора спать. Отпустите ее, и пусть она идет, – предложил он компромисс.

Тот, кого сыщик назвал «рыжим», выругался смачно и витиевато, сунул ключи своему другу, державшему девушку под руку, и решительно двинулся к наглому «папаше», который откровенно нарывался на неприятности. Тактика обычная, прикидывал Гуров, подойти сбоку, врезать в глаз, а когда жертва отшатнется, то добавить ногой... правой же. Но, скорее всего, он будет рассчитывать на то, что жертва рухнет после первого удара. Сюрприз!

Если бы знал этот подвыпивший парень, пропадающий все дни напролет в «качалке», что полковник Гуров за все

время службы на «передовой» борьбы с уголовной преступностью столько раз участвовал в различных схватках. В схватках с бандитами, хулиганами, опившимися до одури ревнивыми мужьями и озверевшими соседями коммуналок. Если бы он знал, что у оперативников, у настоящих профессионалов просто не принято хвататься за пистолет при малейшей опасности, он бы сто раз подумал подходить вот так к неизвестному мужчине, стоявшему перед ним с засунутыми в карманы руками, со спокойной и какой-то усталой улыбкой на лице. Очень неуместной улыбкой для данной ситуации, которая «рыжего» взбесила еще больше.

Кулак метнулся в голову сыщика с такой скоростью, что ему позавидовала бы и пуля. Причем практически без замаха. Однако благодаря своей реакции, выработанной за долгие годы службы в полиции, и тому что такого удара он и ждал, Гуров просто чуть отклонил голову, и кулак прошел в сантиметре от его лица, увлекая за собой и своего подвыпившего хозяина, на миг чуть потерявшего от неожиданности равновесие. Но этого мига опытному сыщику было достаточно, чтобы теперь уже его рука выскользнула из кармана брюк и тоже почти без размаха впечаталась в солнечное сплетение противника. Парень шумно выдохнул насыщенным пивом и копчеными кальмарами воздухом и согнулся пополам.

Гуров не рассчитывал так просто пробить кулаком мощную броню накачанных мышц брюшного пресса. Правда, его противник не ожидал ответной атаки, да и выпитое за ве-

чер его расслабило, так что удар он получил весьма чувствительный. Но не настолько, чтобы вывести его из строя. И Гуров выбросил вперед правую ногу, ударив парня под колено и заставив его коснуться асфальта руками, а потом коротко рубанул по шее, стараясь попасть чуть выше мозжечка. Оглушенный противник повалился, гулко стукнувшись лбом о дорожное покрытие.

– Эх... – опешил от неожиданности кто-то из парней. – Епонский веник! Он Зему вырубил...

– Так, мы о девушке говорили, – напомнил Гуров, обходя поверженное тело и стараясь незаметно помассировать онемевший кулак. – Вы изъявили желание отдать ей ключи от дома и отправиться восвояси.

– Че он гонит... – рыкнул второй парень, имевший в этой троице самые широкие плечи и самую выпуклую рельефную грудь. – Капец, че я с ним щас сделаю за Зему...

Его дружок сфокусировал взгляд на незнакомом бесстрашном мужчине, не выпуская из своих рук девушку, и просто не заметил, как она освободилась сама и обессиленно сползла по стене на землю. Теперь на Гурова шли двое. Первый был трезвее и здоровее, второй со стеклянными глазами не так крепок физически, но он что-то тянул из кармана летней тонкой куртки. Хорошо, если просто нож. В любом случае церемониться было нельзя и выжидать тоже. Полицию, что ли, вызвали бы, кто сейчас из окон любит. Ведь любят же. Ну, ничего, справимся...

Здоровый не стал бить, не стал делать страшных замахов. Он вдруг неожиданно прыгнул вперед, очень подвижно и ловко, видимо, учел опыт своего друга Земы. Еще мгновение, и его руки, как стальные клещи, сомкнулись бы вокруг туловища Гурова, а потом... Сыщик в последний момент успел отбить хватавшие его руки и сильно толкнул нападавшего плечом. Парень отшатнулся... споткнулся о бордюр и упал на одно колено.

И в это момент с протяжным и каким-то дурацким боевым кличем на Гурова кинулся третий. Видимо, его бойцовский энтузиазм возбудило поражение второго друга, а может, он просто вытащил наконец из кармана свой нож, и это привело его в чувство боевого экстаза. Нож оказался дешевым сувениром, годным разве что для нарезания колбасы в купе поезда, из числа тех, что продаются на каждом вокзале в соответствующей лавке. Но и этим сувениром можно сделать немало дырок, если умеючи...

Отскочив чуть назад и увернувшись от колющего удара, Гуров успел расставить руки в стороны и подобрать живот, когда мимо него со свистом прорезал воздух нож пьяного парня. Третий удар, нацеленный в живот, сыщик сумел перехватить. Цепкие пальцы легли на запястье вооруженной руки противника, сильный толчок, сгибающий кисть внутрь, и рука, державшая нож, разжалась.

Не дожидаясь начала активного сопротивления пьяного противника, необъяснимым для него самого образом выро-

нившего нож, Гуров коротко ударил его локтем правой руки в лицо, а когда парень пошатнулся, сильным пинком от себя отбросил противника далеко в сторону. И вовремя, потому что второй здоровяк уже принял вертикальное положение, все еще тряся головой и пытаясь понять, как он смог так сплеховать.

Теперь на Гурова шел пьяный, но очень сильный и осторожный противник. Две легкие победы нисколько сыщика не расслабили. Тем более что и помощи ждать ему было неоткуда. Ни любопытных лиц в окнах, ни криков с балконов, что кто-то сейчас вызовет полицию, если хулиганы не прекратят... и так далее.

– Ну, капец тебе, мужик, – наконец связал отдельные слова в некое подобие мысли парень.

Гуров попятился и чуть сместился влево, чтобы держать в поле зрения двух поверженных дружков этого громилы. И вот без всяких прелюдий на него понесся кулак. Он сделал шаг назад, легко уйдя от сокрушительного удара в голову. Теперь взлетела нога, нанося ему удар в район живота, но Лев снова увернулся. Не надо торопиться, думал он. Пусть противник начнет горячиться, пусть возбуждение от выпитого алкоголя возьмет в нем верх. Начнет психовать, храбриться, одышка, опять же...

Подумал так и чуть было не попался на финт с обманным движением. Только снизу вылетел кулак правой руки парня ему в подбородок, как следом с ураганной скоростью справа

вылетел второй кулак. Каким-то чудом сыщик снова сумел уйти от удара в голову, но тут сплеховал его противник. Из того неустойчивого положения, в котором он находился после обманного удара и промаха вторым, уже настоящим ударом, ему не следовало предпринимать попыток новых атак. Но случилось именно то, на что Гуров и рассчитывал. Алкоголь ударил в голову, и парень слишком поторопился нанести третий удар ногой. Причем левой.

Легко поймав эту ногу, Лев сильным рывком крутанул ее вокруг своей оси. Парень мгновенно полетел на асфальт, и Гуров оказался на спине поверженного противника. Тут слева, громко топая ногами, наконец-то появился бегущий что есть мочи парный наряд патрульно-постовой службы полиции. Следом во двор въехала машина с проблесковыми маячками на крыше.

Ничего не оставалось, как завернуть своему пленнику руку за голову и придавить его коленом в позвоночник до подхода патрульных.

– Сержант Иваницын, – на одном выдохе представился старший наряда – крепкий бритоголовый парень ростом под два метра. – Что здесь происходит?

– Полковник полиции Гуров, – проворчал сыщик, – Главное управление МВД России. Подержите этого вот драчуна, а я вам предъявлю удостоверение.

Представление произошло быстро и деловито. Заместитель командира роты ППС с водителем уже приводили в чув-

ство двух оглушенных хулиганов, а Гуров подошел к пьяной девушке, которая так и не смогла встать на ноги и сидела на корточках, прислонившись спиной к стене.

– Вы здесь живете? – спросил он, кивнув на подъезд.

– Ага, – кивнула девушка, пытаясь сфокусировать взгляд на полицейских, поднимавших и провожавших к машине задержанных. – А вы из полиции, да? Вы меня как бы спасли от хулиганов? Клево!

– Клево, клево, – усмехнулся Лев. – Вы хоть до квартиры сможете сами дойти?

– Не-а, – жизнерадостно заулыбалась девушка. – Я в умат... в стельку...

– Ну-ну-ну, – прервал тираду сыщик. – Понял я, понял. Эх... Зовут-то тебя как?

– Светлана... А вас, мой спаситель?

Гуров насторожился, потом присел на корточки рядом с девушкой. Мелкие кудряшки волос сбились на лбу и закрывали всю верхнюю часть лица. Сыщик пальцем осторожно убрал волосы со лба и приподнял лицо девушки за подбородок. Вот так так, как же он ее сразу не узнал-то! Хотя выражение лица у пьяного человека часто очень сильно меняется. Да и на фотографии, с которой Гуров знакомился, у Незнамовой была другая прическа... И макияж другой. Вернее, на фотографии она была почти без макияжа, а сейчас лицо девушки было раскрашено для бурной вечерники со всем профессионализмом.

– Я вам что... нравлюсь? – отводя его руку, спросила Незнамова. – Вы меня клеите? А вы симпатичный...

– Меня зовут Лев Иванович, – серьезно проговорил Гуров. – Я – полковник полиции. И здесь я ждал вас, потому что мне срочно надо задать вам несколько вопросов. Вы куда-то пропали, и мы второй день не можем вас найти. Это очень важно!

– Помочь, товарищ полковник? – к нему подошел лейтенант из роты ППС, с насмешкой смотревший на пьяную девушку.

– Нет, езжайте, – отмахнулся сыщик.

– Задержанных утром за вами оставить? Что передать дежурному?

– Нет, они мне не нужны.

Машина уехала к себе в отдел и увезла трех задержанных хулиганов, патруль вернулся на свой маршрут, а Гуров, зайдя в лифт, все пытался удержать пьяную Незнамову, норовившую сползти по стене на пол. Ноги ее совсем не держали, хотя речь была относительно членораздельная, а реакции адекватные. Не создавалось впечатления, что девушка уж совсем ничего не соображает. Она даже запомнила, что мужчина, который пытается доставить ее в квартиру, полковник.

На третьем этаже Гуров почти на руках вынес Незнамову из лифта и поставил у двери. Девушка снова уронила ключи, наверное, уже в десятый раз. Лев поднял их и, тихо ругаясь, отпер дверь. В лицо пахнуло уютom девичьей кварти-

ры, легким ароматом косметики, тонких модных ароматизаторов и... в общем-то, чистотой. Явно мужским духом тут и не пахло. Ни любовника, ни мужа. Это почувствовалось сразу, как только Гуров и Незнамова ввалились в квартиру.

Девушка неуклюже сбросила туфли, повесила на вешалку сумочку и поплелась в гостиную. И тут же оттуда послышался громкий звук упавшего на диван тела.

– Ой... как хорошо... – томным голосом промурлыкала Незнамова. – Ножки, мои ножки... Полковник, вы умеете делать массаж ног?

– М-да! – Гуров постоял в дверном проеме, глядя, как девушка пытается сесть на диване или хотя бы принять относительно прямое положение. – Сидите и не шевелитесь! Я сейчас сделаю вам чего-нибудь отрезвляющего.

Пока он кипятил чайник, искал заварку, лимон и сахар, из комнаты слышался голос Незнамовой вперемешку с пьяным смехом. Подозрительный шелест одежды навел на мысль, что девушка решила переодеться или вообще раздеться. Только этого ему не хватало, подумал Лев с неудовольствием. Одевать, укрывать...

– Ну, Светлана, вот вам лекарство! – объявил он, заходя в комнату с двумя бокалами горячего сладкого чая. – И я с вами за компанию, если не возражаете. А то наразвлекался тут за вечер. Сначала трех ухажеров усмирял, потом сам объект ухаживания на себе тащил на третий этаж. Пейте, пейте! Большими глотками.

Сидя рядом с диваном в глубоком кресле, Гуров думал, что идиллия вполне могла бы иметь место. Горячий чай с лимоном, торшер, звезды заглядывают в окна, и они вдвоем в тишине. Сейчас бы о чем-нибудь романтическом говорить, а не о трупe в клубе. Нехорошо умирал Полуниn, в муках умирал. Наверное, успел подумать, что его убивают, смерти испугаться успел.

– Светлана, – начал он, – вы ведь понимаете, что я пришел с вами поговорить о том происшествии у вас в клубе, когда неожиданно в судорогах умер посетитель.

– Жуть какая, – добродушно буркнула в чашку девушка. – Хорошо, что я не видела всего этого, девчонки потом рассказывали.

– Кто его мог убить, как вы думаете?

– Баба! – выпалила Незнамова с таким выражением лица, как будто эта мысль ей давно пришла в голову, и она долго не могла ни с кем ею поделиться, аж извелась вся.

– Почему обязательно баба?

– А он мужик видный, симпатяга! Все знали, что он бабник. Мало того, он еще и темперамента бешеного. Вы думаете, он откуда в зал в тот вечер вошел? Из массажного салона. Ему уже баб мало, он уже по интимным салонам ходит. – Незнамова хихикнула в чашку и снова стала пить, держа ее по-детски обеими руками. – А кто-то из баб его приревновал и решил одним махом наказать.

– И чем же его отравили? – задал наудачу вопрос Гуров.

– Не знаю... – пожала плечами Незнамова. – Мышьяком каким-нибудь. Откуда мне знать, чем сейчас неверных любовников травят.

Наверняка не знает, решил Гуров. А ведь она пела тогда, на сцене была и должна была видеть. Он во время своего последнего визита проверял. Со сцены столик Полунина хорошо просматривается, видно даже, с кем клиент там сидит.

– А с кем он сидел, когда вы пели?

– Ни с кем... Один и очень угрюмый.

– Даже это было видно? Что угрюмый?

– А я присматривалась, – вызывающе ответила Незнамова. – Я девушка одинокая, а он мужчина с положением и весь из себя приличный. Может, я на него глаз положила... Может, присматривалась, чего это он весь вечер один как сыч...

– И к нему никто не подходил?

– Не-а, – помотала она головой. – Я потом ушла со сцены, а спустя минуту девки в визг!

– И что, многие на этого вашего клиента среди персонала клуба глаз положили? – снова решил попытать удачу Гуров.

– А им запрещено! Один раз неосторожно улыбнешься и вылетишь оттуда.

– Им? А к вам это не относится?

– А я на особом положении, я не сотрудник, не персонал. Я там пою... И имею право... Чего хочу, на то и имею право... Особенно когда мужик – конфетка...

Гуров размышлял и поэтому упустил важный момент, ко-

гда пьяная Незнамова решила перейти к активным действиям. Он даже не понял, когда девушка успела сползти с дивана и оказаться у его коленей, и Лев чуть не облился от неожиданности чаем, увидев плотоядную ухмылочку на пьяненьком лице девушки.

– Че ж ты, полковник, робкий какой? – промурлыкала Незнамова.

– Тихо, тихо, тихо! – закрутился Лев в кресле, ища, куда поставить чашку и одной рукой уже начиная отдирать от себя пьяную девушку. – Спокойно!

Ему наконец удалось подняться, и он, подхватив Незнамову под мышки, усадил ее снова на диван.

– Что, испугался? – вдруг спросила она почти трезвым голосом и добавила с сарказмом: – Ладно, не бойся, не изнасилую. Думаешь, совсем девка с ума спрыгнула. На первого попавшегося мужика лезет. Ну и лезу...

– Это очень плохо, когда вот так неразборчиво... – начал было выговаривать ей Гуров, но она его перебила:

– Я его любовницей была. Давно, год назад. Для него давно, потому что он с тех пор перебрал таких, как я, много. А для меня...

– Ты? – Гуров замер. – Любовницей? Ты была любовницей Полунина?

– Да, Пашкиной игрушкой, – горько усмехнулась девушка. – Играть он умел. Хорошо умел. Игрушки были довольны. Какие он слова знал, как умел внимание оказывать, осо-

бенно когда завоевывал, когда подкатывал. Роскошный мужик. И целоваться умел... Но вам ведь не это интересно?

– И это тоже, – Гуров отметил, что Незнамова снова, обращаясь к нему, перешла на «вы». – Это тоже важно, для составления его психологического портрета. – Значит, Полунин был просто бабником?

– Он не был просто бабником, он был феноменальным бабником. Хотя в последнее время, правда, остепенился. Раньше у него чуть ли не каждые полгода была новенькая, а то и не одна. А вот за этот год... пожалуй, была у него одна. Может, он влюбился, а, полковник? Вы, мужики, разве не влюбляетесь в конце концов в кого-то из своих любовниц? Не бывает у вас такого?

– У меня не бывает любовниц, я однолюб, – возразил Гуров. – Так ты знаешь, кто был любовницей Полунина?

– Знаю. Я ж от ревливости на стену лезла... выследила. Вы думаете, что этот таможенник так просто к его столу подходил? Большой начальник, а тряпка! Он, как напьется, все лезет... лез к Пашке просить, чтобы он его жену в покое оставил.

– Ергачев? Тот человек, кто подходил к столу Полунина, когда тот умер?

Глава 4

– Ну что? – Крячко пожал руку Гурова, с интересом вглядываясь в его глаза.

Они встретились утром возле «Занзибара», не заезжая к себе в Управление. Орлов освободил обоих офицеров от участия в ежедневных утренних планерках, но докладывать о ходе расследования велел все равно ежедневно. Как правило, это происходило вечером. Поздним вечером...

– Ты знаешь, – усмехнулся Лев, – а ведь мы не зря Незнамову так искали!

– Она хоть жива?

– Да жива, жива! И неплохо поживает. Веселится! Правда, копнул я поглубже, а там... Если коротко, то примерно год назад она тоже была любовницей Полунина.

– Тоже? – ухватился Крячко за произнесенное другом слово. – Значит, следует так понимать, что покойный был еще тот ходок. Ясно, ясно! Скоро я начну заключать пари, что Полунина убила именно женщина.

– И это еще не все. Незнамова много интересного рассказала про это вот заведение, – кивнул на вывеску Лев. – Тут ведь фактически рядом бордель. Только в завуалированной форме.

– Удивил, – хмыкнул Крячко. – Массажистка, которая работала в ту ночь с Полуниным, и так раскрыла глаза на все

это хозяйство.

– Только она тебе не раскрыла глаза на один любопытный факт, – улыбнулся Лев. – Владелец клуба Олег Васильевич Баринов является также и владельцем тренингового центра «Клеопатра». Так что все это хозяйство его. Это он наладил такое закрытое заведение для нуждающихся мужчин с тугим кошельком.

– При желании, – задумчиво произнес Крячко, – он мог организовать убийство Полунина. Уж он-то тут все знает досконально. Мог организовать отравление так, что комар носа не подточит. И в помощники взять себе любого или любую из преданных ему.

– Если у него есть мотив, – напомнил Гуров.

– Ну, мотив нам отыскать придется. Пошли, время уже девять.

Невысокая молодая женщина встретила гостей на лестнице. Гуров сразу отметил, насколько тщательно продуман внешний вид управляющей «Клеопатры». Годы совместной жизни с театральной актрисой не прошли даром, и сыщик давно научился понимать язык одежды, косметики, жестов, положения тела. Жизнь, особенно жизнь публичная, или бизнес, когда ты продаешь услуги и работаешь на клиента, – она тот же театр. Товар можно пощупать руками, оценить цвет, фактуру, изящество линий или функциональную полезность, удобство, дизайн. А услугу руками не пощупаешь.

Даром или недаром затрачены деньги, ты понимаешь уже потом. Есть всегда определенный риск при покупке услуги.

Директор центра Алиса Сергеевна Барчевская не была красавицей в полном смысле этого слова. Вполне ухоженное и выдержанное в тренажерных залах тело, профессиональный макияж, одежда, выгодно подчеркивающая довольно красивые формы. Все в этой женщине будило воображение, наводило на мысли не о совместном походе в театр или на концерт, а об интиме, где-то в подреберье начинал возиться и поводить чутким носом и тарашиться блестящими глазками бесенок.

– Здравствуйте, – бархатным голосом приветствовала гостей Барчевская. – Это вы из полиции мне звонили?

– Да. – Сыщик неожиданно для себя боднул головой воздух и представился: – Полковник Гуров, Лев Иванович. Это мой помощник, Станислав Васильевич Крячко.

– Любопытно, чем наш центр мог заинтересовать высокопоставленных офицеров из самого министерства, – улыбнулась уголками губ женщина. – Прошу вас за мной, господа.

Гуров оглянулся на напарника и пошел следом за Барчевской вверх по лестнице. Крячко, одарив друга ехидным взглядом, последовал за ними.

– Прошу вас. – Управляющая на правах хозяйки кабинета повела рукой, приглашая на выбор сесть в глубокие кресла или на мягкий белый диван.

Сыщики, не сговариваясь, расселись в креслах, а хозяйка,

изысканно выгнув спину, мягко опустилась на край дивана, сложив ладошки на коленях стопочкой. Легкий взмах длинных, явно наращенных ресниц, легкая полуулыбка и все тот же чуть насмешливый взгляд.

– Атмосфера вашего заведения, конечно, располагает к иным разговорам и мыслям, – с галантной шутливостью начал Гуров, – но, увы, мы пришли по вопросу очень приземленному и совсем из другого царства. Царства теней, если хотите.

– Понимаю, понимаю, – закивала Барчевская. – Этот несчастный случай в зале. Нелепая смерть, конечно, но... простите, а ко мне вы в связи с чем пришли?

– Мы пытаемся вообще понять структуру и обычаи вашего заведения, – пожал Гуров плечами. – Изучить, так сказать, изнутри.

– Ну-у, – снова накинула на лицо насмешливую улыбку Барчевская. – Клуб – это клуб, а наш тренинговый центр – это совсем иного рода заведение. «Занзибар» чисто мужской клуб. А наши клиенты – исключительно женщины. Надеюсь, мне не придется рассказывать о том, чему мы учим здесь женщин?

Вопрос прозвучал как вполне откровенная провокация. И Гуров это уловил. Попытка избежать вопросов выглядела как приглашение спрашивать. Из всего того, что вчера ночью рассказала пьяная Незнамова, следовало, что в тренинговом центре «Клеопатра» учили искусству обольщения. Гуров это

так понял. И, видимо, тут учили еще чему-то, потому что «Клеопатра» явно процветала, и так подняться на обучении строить глазки и лекциях о семье и браке вряд ли возможно. Большого он от Незнамовой не добился. Но для чего-то ведь этот центр тут располагался, рядом с клубом. Может, просто потому, что помещение принадлежало Баринову, как и оба заведения? Зачем арендовать где-то площади, если есть свои.

– Да, нам бы все-таки хотелось узнать, – серьезно заявил он, – чем занимается ваш центр, какого рода тренинги вы проводите.

– Ну, пожалуйста, – обворожительно улыбнулась Барчевская. – «Клеопатра» первый в Москве центр, сейчас уже есть, конечно, последователи, но мы первые в Москве стали проводить тренинги для девушек, где без стеснения, грамотно и профессионально говорим «про это».

– «Про это»? – переспросил немного удивленный Гуров. – Вы имеете в виду... э-э...

– Ну, не смущайтесь так, полковник, – засмеялась вежливым смехом женщина. – Да, мы занимаемся сексуальным образованием и совершенствованием девушек... но не для возвращения нации, как вы могли подумать, а исключительно на благо здоровой и счастливой семьи. Большая часть наших клиенток – замужние женщины. Замужние, учтите это!

– Вы их тут учите, а они потом возвращаются домой, – многозначительно сказал Крячко, – и творят настоящие чу-

деса. А у мужа возникают естественные вопросы: и где ты, детка, такому научилась? И как долго ты от меня скрывала свое прошлое?

– Вы – прелесть! – захохотала Барчевская, хлопая в ладоши. – Как вы умудрились остаться столь непосредственным в вопросах секса в двадцать первом веке? Я вас обожаю, полковники!

– И все-таки поясните, пожалуйста, – поднял ладонь Гуров. – Учтите, что мы выросли во времена, когда многое...

– Да, да, да, конечно, – извиняющимся тоном отозвалась Барчевская. – Я помню! Социализм и все-такое прочее. Но я бы не стала все сводить только к чисто физическим удовольствиям. Ведь, по большому счету, мы не просто проводим тренинги, мы восстанавливаем семьи, укрепляем отношения в паре, помогаем найти свою любовь. Да просто помогаем женщине стать по-настоящему желанной, более сексуальной. А это значит, что она становится единственной, любимой и неповторимой! Мы – специалисты, эксперты в своей области, мы знаем тайные желания и мужчин, и женщин, а главное, мы имеем ключ к исполнению этих желаний! Вот в чем наша миссия.

– Значит, вы учите любить, – констатировал неугомонный Крячко.

– Я поняла иронию, – кивнула Барчевская все с той же обворожительной улыбкой. – Смею вас заверить, что настоящая любовь существует! И ей можно научить. Причем не

только вздохам под луной и цветам по утрам на подоконник. Можно научить любви во всех ее проявлениях. И счастливый брак – это тоже реально! Хотите вечную молодость – да, легко!

– Вы прямо всемогущие!

– Да, потому что наша главная ценность – крепкая семья, настоящее женское счастье и любовь! И мы делаем все, чтобы женщина могла стать по-настоящему желанной, любимой и неповторимой. И для этого собираем самые передовые знания и навыки со всего мира. Мы постоянно совершенствуем наши тренинги, делимся с нашими клиентками всем, что знаем и чем владеем сами!

– И чем же? – снова спросил Крячко. – Это все декларативные заявления, а практически вы чему женщин учите?

– Ну, вы сами напросились, – тихо, но с заметной долей мести в голосе сказала Барчевская и поднялась: – Идемте, я вам покажу.

Небольшая уютная комната с удобными креслами, диванчиками. У стены небольшой стол, на нем мультимедиапроектор, на другой стене экран. Небольшой шкафчик возле столика. Явно здесь нечто демонстрировали, вели какие-то учебные занятия, однако сейчас о тематике судить было сложно.

– Так вот, господа. – Барчевская картинно сложила ладони перед собой. – Мы с вами находимся в одной из учебных аудиторий. Она рассчитана на небольшую группу, не более

десяти-двенадцати человек. Теперь о типах занятий, которые мы используем. Во-первых, это консультации психолога. Женская психология, семейная психология, психология межличностных отношений.

– Нужное дело, – укоризненно посмотрев на напарника, произнес Гуров и тут же замолчал, потому что Барчевская, не слушая реплик мужчин, продолжала:

– Психологические тренинги на тему, как стать женой крупного бизнесмена, или чиновника, или олигарха, или шоумена. На тему секретов, как стать женой состоятельного мужчины.

– А как окрутить полковника? – расплылся в широкой улыбке Крячко.

– Да хоть генерала! – ответила ему очаровательной улыбкой управляющая. – Также мы предлагаем воздействие массажных техник для женщин, которые позволяют пробудить чувственность тела, забыть о сердечных терзаниях и обидах. После наших массажей женщина обретает состояние покоя, любви. Она в состоянии наполнить партнера этим состоянием, поделиться с ним.

– Про массажный салон мы уже знаем, – вставил Гуров.

– Ну, это массажный салон для мужчин. Вы же мне о нем пытаетесь сейчас сказать, о салоне в «Занзибаре». У нас иные техники! Дальше я вам могу рассказать о наших других тренингах. Они предназначены для тех женщин, которые хотят стать искусными любовницами для своих мужчин,

хотят возродить страсть в отношениях, стремятся к новым ощущениям для себя и для партнера.

– Послушайте, – с большим интересом осматриваясь по сторонам, перебил ее Крячко, – а где же у вас тут располагается объект? Вы же на ком-то должны своих дамочек учить.

– Вы имеете в виду мужчину, на котором мы отрабатываем техники? – самым невинным голосом спросила Барчевская. – Конечно, он у нас есть. Мы зовем его «дружок» или «мальчик». – С этими словами она подошла к шкафчику и достала из него муляж мужского пениса в натуральную величину. – Нет у нас никакого живого мужчины, а есть различные аксессуары. Если хотите, я могу вам про них рассказать, но что-то мне подсказывает, что вы не особенно хотите. Я не буду углубляться уж сильно в сферу наших тренингов. Скажу просто, что есть у нас еще занятия по вумбилдингу. Это занятия по укреплению женских мышц. Есть и эксклюзивная услуга – возможность попасть на закрытые мероприятия, где встречаются представители российской и мировой бизнес-элиты. Это уровень топ-менеджеров, владельцев бизнеса. Я надеюсь, что удовлетворила ваше любопытство?

– Видите ли, Алиса Сергеевна, мы к вам пришли не из праздного любопытства. Мы знакомимся со всеми организациями в этом здании, тем более что все они тесно связаны. И знаете чем? Именем владельца – Олега Васильевича Барина, – раздраженно проговорил Лев.

– Ну-у... – Барчевская перестала улыбаться, – да, Барин

– собственник «Клеопатры».

– Поэтому мы не будем от вас скрывать, – совсем уже строгим голосом сказал Гуров, – что отравить господина Полунина в стенах этого здания мог только тот человек, который очень хорошо знает и здание, и работы клуба, салона интимного массажа, вашего заведения. Тут нет посторонних. И под подозрением находятся практически все.

– Я слышала, что в вашем деле важен такой момент, как мотив убийства. Я вот в смерти вашего Полунина совсем не заинтересована. Никак.

– В нашем деле, уважаемая Алиса Сергеевна, помимо заказчика с его мотивом есть и исполнители. Любой из персонала этого здания. Мы знаем, что эскорт-агентство Баринова, которое существует, но не на бумаге, состоит из числа преподавателей вашего тренинг-центра. Симпатичные, молодые и очень умелые женщины.

– Полунин в тот день не заказывал эскорт, – холодно ответила Барчевская.

– А еще у вас проходят обучение, – усмехнулся Крячко, – не только хранительницы и ревнительницы домашнего очага, но и элитные девочки из других досуговых агентств. Не так?

– Мы не выясняем места работы и профессию клиентов, записывающихся на тренинги, – так же холодно парировала Барчевская.

– Теперь потрудитесь дать нам ответ на вопрос, без кото-

рого мы отсюда не уйдем. Или без вас не уйдем. Кто из ваших подчиненных в день смерти Полунина находился в помещениях клуба «Занзибар»? И распорядитесь, чтобы нам подготовили личные дела ваших преподавателей.

– Вы хотите, чтобы я вам предоставила внутренние документы организации просто так? Без ордера, без официального запроса?

– М-м-м, – простонал Крячко и полез за телефоном. – Кто это? Разбегаев? Где дежурный? Ладно, передай срочно приказ Гурова. Через два часа постановление об изъятии кадровых и бухгалтерских документов «Клеопатры» должно быть у нас здесь. Да, да, пусть даже с приостановкой деятельности...

– Хорошо, хорошо, – напряженным голосом заговорила Барчевская. – Я покажу вам личные дела моих сотрудниц...

Гуров и Крячко неторопливо шли по коридору Главного управления по борьбе с контрабандой Федеральной таможенной службы. Крячко ворчал за спиной своего шефа:

– Афера, Лев... Он в любой момент возьмется за телефон, и нас выведут, как нашкодивших щенков. А потом перед Орловым будем оправдываться.

– Ты на меня надейся, – с вежливой улыбкой поглядывая по сторонам, тихо ответил Гуров. – Во-первых, мы пришли с его согласия, а во-вторых, я успею сказать все, что нужно, чтобы он осознал свое положение. А ты свое дело сделай.

Мы только из-за этого и идем.

– Представь, если всплывет, чем мы с тобой занимаемся в кабинете Федеральной таможенной службы. Это же скандал на два ведомства.

– А кто узнает, что это мы? У нас с тобой времени на плановую разработку Ергачева нет, – дернул плечом Лев.

Сегодняшний допрос ему самому не нравился. Хотя если разобраться, то это и не допрос. Во-первых, они с Крячко не следователи, а оперативные работники. Больше того, они кураторы от Главка уголовного розыска МВД расследования одного убийства, и их приход в Федеральную таможенную службу никак нельзя рассматривать, как следственное действие. Они с Крячко даже письменных показаний брать не будут, просто им нужно побеседовать с чиновником. Чтобы его не дискредитировать, его не вызывают в кабинет в Главк, а сами пришли к нему. Если всплывет, то отмазка у сыщиков будет хорошая. А вот вторая часть замысла...

Гуров решительно распахнул дверь нужного кабинета, бросив взгляд на табличку. Три стола, один пустует. Ергачев в рубашке, распушенном галстуке и без пиджака сидит, нахохлившись, у окна. Лысеющий крупный череп, коротко остриженные волосы, рыхлые щеки и неприятный взгляд серых глаз, словно говорящих, чтобы оставили его все в покое. Интересный взгляд.

Второй мужчина за соседним столом поймал взгляд Ергачева, поднялся и молча вышел из кабинета.

– Добрый день, Леонтий Владимирович! – весело поздоровался Гуров. – Это мы вам звонили. Позвольте представиться, полковник Гуров. Это мой коллега, полковник Крячко.

– Да... прошу вас... – бесцветным голосом ответил Ергачев и кивнул на свободный стул возле своего стола.

Гуров уселся, продолжая разглядывать таможенного чиновника. Крячко воспользовался тем, что второго стула возле стола нет, и отошел к окну. Он не стал брать стул от других столов. Свобода передвижения ему была сейчас очень кстати, и стоит пока изображать удовольствие от созерцания городского пейзажа за окном.

– Ну вот, – многозначительно и немного с сожалением в голосе развел руками Гуров, – пришли мы, как я и предупреждал вас по телефону, поговорить с вами о несчастном покойном Павле Сергеевиче Полунине. Вы ведь знакомы с ним были. И даже разговаривали с ним за... буквально секунды до его смерти. Ужасное зрелище!

– Ну, вы напрасно рассчитываете, что я вам о Полунине расскажу что-то такое, – откашлявшись, начал было Ергачев, разглядывая свои руки на столе.

– Да, да! – поспешно перебил его Гуров, не дав соврать, чтобы не рвать нить разговора. – Мы в курсе ваших взаимоотношений. Мы беседовали уже с многими вашими знакомыми и полностью в курсе.

Было интересно наблюдать, как лицо Ергачева сначала

как будто вспыхнуло, потом мгновенно потемнело. И глаза из пустых и унылых сделались угрюмыми. Не дергайся, мысленно сказал собеседнику сыщик, я тебя пока пугать не буду. Не время! Мне нужно, чтобы ты пока не сильно волновался и не паниковал. Мне нужно, чтобы ты проявил себя, начал следы замечать, вот тогда станет ясно, что ты причастен к смерти Полунина. А если ты ничего делать не будешь, а будешь только сидеть, как сыч, тогда будет ясно, что, скорее всего, ты не виновен. Проверку устроим оперативными методами и отпустим с богом.

– Да, нам сказали, что у вас никогда не было теплых или просто дружеских отношений с Полуниным, – успокоил Ергачева Гуров. – Знакомы, и все. Но такова наша работа, Леонтий Владимирович, чтобы опрашивать и беспокоить всех, кто знал погибшего, кто с ним виделся в тот злополучный вечер. Ведь знакомый мог заметить такое, чего никогда бы не заметил человек посторонний. Правда?

Ергачеву не оставалось ничего другого, как только кивнуть.

– А почему вы уверены, что его именно убили? – выдавил он из себя и снова откашлялся.

Пересохло во рту у человека, точно пересохло. А так бывает в минуты очень сильного волнения. А сильно волноваться Ергачев может не потому, что виновен в смерти Полунина, а потому, что не может забыть страшной картины его смерти. Это надо учитывать. И то, что жена Ергачева бы-

ла любовницей погибшего. Ах, какой мотив! Как напоказ!

– Уверены, – коротко ответил Гуров и наконец поймал взгляд чиновника. Что-то там было еще, в этом взгляде. Кроме угрюмости, страха... Торжество? – Так мы вот зачем к вам пришли, Леонтий Владимирович. Скажите, с того момента, когда Полунин вышел из массажного кабинета, и до момента смерти к нему кто-нибудь подходил? Разговаривал он с кем-нибудь?

– Я не знаю, – слишком энергично помотал головой Ергачев. – Я, видите ли, в тот вечер перебрал лишнего. Накопилось что-то по работе, устал...

– Командировки частые, – понимающе добавил Крячко, которому «надоело» рассматривать виды за окном. Он заложил руки за спину и прошелся вдоль стола таможенника. – Мы понимаем, сами иногда грешим этим делом. Иной раз так устанешь! И не физически. Физически, слава богу, еще держимся. А вот морально. Порой ведь... Да что вам рассказывать, у вас ведь тоже работа нервная! И отдел у вас крутой, как говорит молодежь. Борьба с контрабандой – это вам не хухры-мухры.

Гуров смотрел, как его напарник умело плетет узор бестолкового отвлекающего разговора и маячит перед Ергачевым. Еще немного, и он уже не вызовет подозрения тем, что окажется за его спиной, где на стойке висит пиджак. Давай, Стас, давай! Вгоняй его в ступор!

– Иной раз аж говорить ни с кем не хочется, – продолжал

Крячко. – Даже с женой! И вот уже ссоры дома, и вот уже тебя обвиняют, что ты совсем на работе о семье забываешь. Даже, чего уж греха таить, намекают, что не любовницу ли ты себе завел и пропадаешь там под видом работы? Потому и раздражительный такой... У вас, Леонтий Владимирович, с женой все нормально?

Гуров заметил, как Ергачев дернулся от этого вопроса, словно от удара. И даже руки стиснули карандаш, который он бессмысленно вертел в пальцах. Заметный жест. Так делают люди, которые пытаются что-то скрыть и непроизвольно сжимают руки. Такие вот подсказки в поведении человека работают не хуже полиграфа.

На вопрос о жене Ергачев так и не ответил. Гуров и Крячко еще минут двадцать расспрашивали его, о чем он разговаривал в ту ночь с Полуниным, о посетителях клуба, о событиях той ночи. Но делалось это уже для того, чтобы визит не заканчивать столь торопливо. Крячко-то уже успел воткнуть под лацкан пиджака тоненькую булавку, головкой которой являлся радиомикрофон. Теперь за Ергачевым неотступно будет следовать на расстоянии не далее шестисот метров оперативник из МУРа, он и будет вести запись всех разговоров.

Уже выйдя из здания и проходя мимо парковки сотрудников офиса, Крячко под бампер «Хонды» Ергачева одним быстрым движением прилепил «маячок». Теперь и передвижения чиновника можно будет отслеживать с точностью до

десятка метров. Следующим этапом была жена Ергачева, отдохавшая вот уже несколько дней в одном из подмосковных пансионатов.

Ирина Ергачева была моложе своего мужа на десять лет. И эта тридцатидевятилетняя ухоженная женщина вполне наводила на мысль, что ее тяготит обрюзгший, угрюмый и вечно занятый муж. Как-то не вязался его образ с пылкой любовью к жене. И уж тем более с пылкой любовью жены к нему. Сыщики видели фотографию Ирины Ергачевой!

Гуров уселся на переднее сиденье, обратив внимание на торжествующий вид напарника.

– Ну, чего сияешь? Узнал, где она отдыхает?

– Конечно, – кивнул Крячко, выезжая на Житную и вливаясь в поток машин. – Санаторий «Волна». Я там два года назад сам отдыхал, гастрит свой холил и лелеял.

– Далеко? – с заметным опасением спросил Гуров.

– Нет, на Истринском водохранилище, пятьдесят километров от Москвы. Там еще неподалеку Ново-Иерусалимский монастырь. Может, слышал?

– Что-то читал в прошлом году про освящение. И что, приличный санаторий?

– Да супер! Баба у Ергачева толк в местах отдыха знает. Там территория гектаров пять. С водохранилища прохладой тянет, дорожки для прогулок между клумбами, березками и голубыми елями. Сказка!

– Сказка, если ты здоров как, – возразил Гуров, – как ты вот, симулянт. А она, может, и в самом деле в санаторном лечении нуждается.

– Ну, во-первых, Лев, – усмехнулся Крячко, – «Волна» принадлежит мэрии Москвы. Значит, она туда попала по связям мужа или своим, лечиться ездят в коммерческие заведения. Во-вторых, «Волна» – санаторий общетерапевтического профиля. Сам лежал, знаю. В таких не лечатся, в таких вид делают. Лечатся в узкоспециализированных. А здесь все: и сердечно-сосудистые заболевания, и болезни органов пищеварения, и дыхания, и опорно-двигательного аппарата, и нервной системы. Угадай, чем больна наша Ергачева?

– Ты и направление видел?

– Видел! – засмеялся Стас. – Так вот, не с поносом и не с запором, что даме просто неприлично. И не с сердечком, потому что как даме на отдыхе без шампанского и других приятных возбуждающих процедур. Она там сейчас получает приятные ванны, массажи, электрофорезы. Короче, направлена для профилактики заболеваний опорно-двигательного аппарата. Нейтрально, не отпугивает мужчин, и в случае чего понять приятно.

– А как там с досугом?

– На высшем уровне. Я же говорю, что туда одни симулянты ездят. Там и спектакли показывают, концерты, фильмы, само собой, в приличном кинозале. На экскурсии больных возят по историческим местам Истринского района. Святое

дело для людей, что вырвались от семьи, – танцевальные вечера, чтобы под звездами легально пообжиматься.

– Станислав, ты стал очень циничен, – заметил Гуров. – Возраст, что ли?

– Или скажи, что по себе сужу, – добродушно рассмеялся Крячко. – Да просто я чаще тебя езжу в такие места и нагляделся. Ладно, не буду травмировать твою высококультурную душу. Сам увидишь, что она там не скучает. А вообще-то там культурно, музыкальные вечера на свежем воздухе, спортивные турниры проводятся.

– Участвовал? – хмыкнул Лев.

– А как же, по шашкам и шахматам. Там со спортом поставлено здорово. У них физкультурно-оздоровительный комплекс соединен с главным корпусом. Два спортзала – хочешь, волейбол, хочешь, баскетбол, а хочешь, большой теннис. А уж про бильярд, настольный теннис и тренажерный зал я вообще молчу. Это в наше время обязательный комплект любого заведения отдыха. Два бассейна.

– Зачем два?

– Один детский. Две сауны, бар, каминный зал...

Оставив машину на платной охраняемой стоянке, Крячко со знанием дела повел Гурова к четырехэтажному корпусу. Причем дважды он здоровался с кем-то из персонала, а с ним радостно раскланивались. Умел Крячко заводить знакомых и оставлять о себе приятное впечатление. Полезное качество.

– Здравствуй, Машенька! – Стас перегнулся через стойку администратора и припал губами к ручке молодой миловидной женщины. – Скучали тут без меня?

– Станислав Васильевич! – откровенно обрадовалась женщина. – Вы снова к нам? Что, боевые раны дают знать или от городской суеты и работы решили спрятаться?

– Скучаю, Машуля, скучаю по вас! – рассмеялся Крячко и тут же сделал серьезное лицо. – Но вообще-то, мы тут с коллегой по делу.

– Коллега? – окинула она взглядом Гурова. – И тоже полковник?

Крячко снова наклонился через стойку и стал что-то шептать женщине. Гуров рассматривал уютный интерьер холла и думал о талантах своего напарника. Стас ведь не скрывал своей профессии на отдыхе, но и не кичился ею. Видимо, он тут на посиделках и просто в компаниях, особенно при женщинах, в основном рассказывал красивые и впечатляющие байки о службе, которые с реальностью ничего общего не имели. Умел Крячко рассказывать, умел располагать к себе. Гуров даже не был удивлен, что и тут его старый друг всех знал, мог обо всем договориться. А было ли такое место в Москве и ближайшем Подмосковье, в котором бы его не знали или он кого-то не знал?

– Пошли, – толкнул Гурова плечом Стас и кивнул на лестницу: – Она в восемьдесят четвертом.

– О чем ты там так долго шептался с администратором?

– О Ергачевой, о чем же еще. Крутит она тут вовсю! Отбоя от ухажеров нет. Есть у них один признанный красавчик, бизнесмен. На что Машка – верная жена, и та на него запала... ну, чисто теоретически. Но достаточно для того, чтобы ревновать к нему всех баб на свете. Вот она мне и капнула, что этот гражданин Бесфамильный к нашей болезной клинью подбивает. И недавно они вместе поднялись наверх. У них номера на одном этаже.

– Значит, они ключи у портье взяли? – удивился Гуров, глядя на ключ в руке Крячко.

– Конечно. Оба свои ключи взяли. А это, – покачал он в пальцах ключ с номерком, – наш пропуск в соседний номер. Пустующий. Его будут готовить к завтрашнему заезду. Маша врать не станет, у нее глаз наметан. Если она сказала, что там любовь, значит, так и есть.

– Думаешь, можем застукать?

– Я на Машку полагаюсь, – засмеялся Крячко.

– Да, на крючке она нам многое бы рассказала, – согласился Гуров. – Такой компромат! И про мужа, и про Полунина.

Сыщики прошли по пустому коридору и остановились возле двери с номером «84». На ручке висела стандартная табличка на русском и английском языках «Просьба не беспокоить. Please do not disturb». Из-за двери слышалась тихая музыка. Крячко выразительно посмотрел на напарника, потом по сторонам. Гуров подумал, что стучать смысла нет, и согласно кивнул. Крячко быстро отпер соседний номер, и

оба сыщика тихо скользнули в открывшуюся дверь.

– А уютненькие здесь номера, да? – улыбнулся Стас, озираясь по сторонам.

Гуров приложил палец к губам и замер посреди комнаты. Крячко посмотрел на напарника и тоже прислушался. Отчетливо стукнула дверь. В соседнем номере кто-то открыл дверь на лоджию. Музыка стала слышнее, но к ней добавились еще и приглушенные возгласы.

– А ведь она там не одна, – улыбнулся Стас. – Ну что, застукаем ее с любовником?

– Давай, – согласился Гуров. – Вряд ли она испытывает к мужу такие уж трепетные чувства, но рушить брак все равно не станет. По крайней мере, в этой ситуации честно ответит нам на все вопросы, касающиеся ее отношений с Полуниным, и отношений с Полуниным ее мужа.

Крячко повернул ручку и плавно, опасаясь посторонних звуков, стал открывать дверь на лоджию. Звуки из соседнего номера стали громче. Сыщики вышли на лоджию, опоясывающую весь этаж и разделенную лишь легкими перегородками на участки, относящиеся к каждому отдельному номеру. Музыка и голоса наводили на мысль, что работает телевизор. А еще слышался женский смех. Это смеялась уже женщина в номере.

Подумав, Крячко вытащил свой телефон, переключил его в режим видеосъемки и завел руку за перегородку. Через пару минут сыщики склонились над маленьким экраном.

– Ну ничего себе! – в голос заявил Крячко. – Вот это ребята попали! Пошли?

– Пошли, пошли, – подталкивая напарника, поспешил Гуров.

– Вот жизнь, а, – успел тихо проворчать Крячко, пока они снова выходили на лоджию. – Как сунешься в эти круги, так пробу ставить негде...

Он ловко и решительно перекинул ногу, придерживаясь за ограждение, и через секунду был уже на лоджии восьмидесят четвертого номера. Вытащив для порядка из кармана служебное удостоверение, шагнул в номер. Гуров вошел следом и окинул взглядом помещение. Картина перед сыщиками открывалась, мягко говоря, предосудительная.

Ирина Ергачева с растрепанными волосами, в тонком распахнутом пеньюаре, под которым больше ничего не было, нежилась на кровати, лежа на скомканных простынях. Мужчина лет тридцати пяти в одних плавках сидел на низеньком пуфике перед журнальным столиком и через самострельную бумажную трубочку вдыхал носом белый порошок. На экране открытого ноутбука со стонами терзали друг друга обнаженные тела, изредка отпуская возгласы на немецком языке.

– Здравствуйте! – громко известил о своем появлении Крячко. – Уголовный розыск. Ваши документы!

Гуров задержался у лоджии, плотно прикрыв дверь и повернув ручку. С перепугу, да под наркотическим дурманом люди часто прыгают с любого этажа, спасаясь от опасности.

Крячко прошел к входной двери, проверил, заперта ли она, потом вытащил ключ и положил себе в карман. Ергачева вытаращила глаза и собрала комком на груди пеньюар. Мужчина выронил трубочку и принялся озираться по сторонам, оценивая ситуацию. На его лице мелькали судорожные обрывки мыслей. То гнев, то страх, то растерянность, то снова попытка взять себя в руки и выставить из номера непрошенных гостей, пользуясь своим высоким статусом. Судя по качеству костюма и дороговизне ботинок, оставшихся у двери, статус у мужчины был приличный. Его месячные доходы исчислялись не десятками, а сотнями тысяч рублей. Уж двести или триста тысяч в месяц он зарабатывал точно.

Ступор у любовника прошел довольно быстро. Возбужденный, с лихорадочно горящим взглядом, он попытался начать кричать и давить своим служебным положением, делая попытки добраться до кармана пиджака и вытащить мифическое удостоверение полковника ФСБ. Но, после того как Крячко бесцеремонно отшвырнул его на кровать и сделал вид, что фотографирует лицо мужчины и столик с дорожкой наркотиков и нюхательной трубкой, «герой-любовник» притих.

Гуров обшарил карманы пиджака и нашел паспорт. Никаких удостоверений больше не было. Был бумажник, в котором помимо денег, водительского удостоверения и двух банковских карточек лежали визитные карточки. Как и в паспорте, на них значился Максим Алексеевич Прокопенко,

владелец сети клубов и развлекательных комплексов для молодежи.

Гуров остановился перед журнальным столиком так, чтобы Прокопенко не смог броситься и разрушить характерную картину приема наркотиков. Он посмотрел на мужчину, потом на женщину, оценивая состояние адекватности каждого. Вдыхаемый через нос кокаин начинает действовать уже через несколько минут, наступает возбуждение, состояние, когда кажется, что ты можешь все, даже горы свернуть. Люди возбуждены, болтливы и не совсем адекватны в оценках ситуации. Это было уже плохо, но куда деваться, надо работать.

– Оба сидим молча, – приказал он стальным тоном. – Отвечает только тот, кого я спрашиваю, и только по существу моего вопроса. Выполняете мои требования, и мы станем, как дорогие вашему сердцу родственники. Нет – мы вызываем сюда понятых и оформляем ваше безобразное поведение протоколом. Госпоже Ергачевой связь с другим мужчиной и наркотики в семейной жизни не помогут. Вы, господин Прокопенко, думаю, тоже не заинтересованы в огласке всего происходящего тут.

– Я не понимаю, – бегая глазами, заговорил Прокопенко, – а что вам нужно, что вы тут делаете? Где ваши полномочия? Что-то вы темните, господа уголовный розыск...

– Я плохо объяснил? – Гуров сдвинул брови и посмотрел в лицо мужчине в крайнем изумлении. – Так звать понятых?
– Максим, ты сдурел! – чуть ли не фальцетом выкрикнула

Ергачева. – Кончай права качать. Я из-за тебя не хочу жизнь свою рушить!

– Здравый женский смысл, – похвалил сзади Крячко. – Договариваться надо, а не конфликтовать.

– Забери пока этого клоуна в ванную комнату, – велел Гуров, кивнув на Прокопенко.

Станислав подошел, положил широкую ладонь на шею мужчины и одним движением снял его с кровати. Гуров проводил их взглядом, потом пододвинул ногой пуфик и уселся напротив кровати. Ергачева, прикрывшись простыней, смотрела выжидающе, настороженно и даже как-то нетерпеливо. Деятельная женщина, подумал сыщик. Или понимает, что сейчас ей все объяснят, раз понятых звать не спешат, и, возможно, все это закончится. А ведь ей хочется, чтобы все побыстрее закончилось. Плохо, что она под кокаином сейчас, ну, да голова у нее, наверное, все равно работает ясно.

– Чья это идея? – Лев кивнул головой на дорожку белого порошка на листке бумаге.

– Его, – дернула щекой женщина. – Я сама никогда...

– Никогда раньше даже не пробовали? А если честно?

– Ну, пробовала. Это еще в студенческие годы было. Но я не наркоманка, просто...

– Понимаю, – чуть улыбнулся он.

– Да ничего вы не понимаете! Когда муж обеспечивает, но опостылел до чертиков... А тут молодой, красивый, ухаживать умеет! И уйти от мужа не просит. Довольствуется тем,

что есть, что я позволила... Это же...

– У вас это сегодня впервые? – догадался Гуров.

Ергачева только кивнула и опустила голову. Сыщик протянул руку и закрыл крышку ноутбука, чтобы не раздражали сладострастные стоны и вскрикивания порноролика.

– Я так и думал, Ирина. Я вас не осуждаю, потому что мое дело заниматься прививанием моральных норм взрослым женщинам. Дело ваше. И вы наверняка хотите, чтобы вся эта сцена осталась в тайне, чтобы ваш муж даже краем уха не услышал о ваших отношениях с Прокопенко, о кокаине.

– Да! – твердо отрезала Ергачева. – Не хочу. Вы что хотите взамен? И дайте мне наконец одеться.

– Поговорим так, – покачал Гуров головой. – Во-первых, вы сейчас неудобно себя чувствуете, а значит, будете охотно отвечать. А во-вторых, как порядочный человек, я должен отвернуться, пока вы одеваетесь, но дело в том, что я вам не верю, и вправе ожидать как удара по голове чем-нибудь тяжелым, так и попытки скрыться из комнаты. Хорошо, если через входную дверь. А если вам кокаин подскажет более легкий путь – через лоджию? А там тротуарная плитка, бордюрный камень. Нет уж. Сидите под простыней.

– Черт с вами! – огрызнулась Ергачева. – Что вам от меня нужно?

– Узнать историю ваших отношений с Полуниным.

– Павел... – сразу помрачнела она. – Вот оно что. Вас его

смерть интересуется.

– Его убили, Ирина.

– Убили? – откровенно испугалась Ергачева. – Как убили?

Он же прямо в клубе умер...

Гуров увидел, как ее глаза быстро стали наполняться слезами. Вот они переполнились, и по щекам к подбородку ринулись струйки слез. Они сбежали, повисли на подбородке, а следом за ними уже бежали другие. Лицо Ергачевой кривилось и корчилось в судороге горя и жалости. Наконец она схватилась руками за лицо и опрокинулась головой на подушку. Ее тело сотрясали рыдания, плечи под пеньюаром тряслись и вздрагивали. Гуров смотрел на женщину и прикидывал, что может последовать за этой душераздирающей сценой. Признание в убийстве? Вряд ли, слишком отчетливая реакция удивления. Такое сложно сыграть. Признание в том, как она Полунина любила? Или в том, что ее муж Леонтий Владимирович давно собирался Полунина убить?

Наконец Ергачева поднялась, опираясь руками и съезжая по простыням. Приняв какое-то подобие вертикального положения, она посмотрела в лицо Гурову. Лицо ее самой сейчас изменилось почти до неузнаваемости. Не стало холеной, молодящейся женщины. Вместо нее появилось обрюзгшее, тщательно скрываемое лицо женщины не первой свежести, женщины уставшей.

– Кто его убил? – наконец спросила Ергачева.

– Я хотел это от вас услышать.

– От меня? Раз вы сюда пришли, то наверняка уже узнали о наших с Павлом отношениях. Я была его любовницей. Думаете, что он мне надоел и я его кокнула, да? Вы чуши всякой начитались или детективов дешевых насмотрелись?

– Перестаньте, – отмахнулся сыщик. – Ирина, Павла Сергеевича Полунина отравили. И сделал это кто-то умышленно. Нам нужна ваша помощь, как человека, который был ему близок, который мог знать или догадываться о его негативных отношениях с кем-то.

Сжав в кулаке комком угол простыни, Ергачева молчала, уставившись остекленевшим взглядом прямо перед собой. И вдруг заговорила, причем так, словно наотмашь хлестала по лицу. Только вот кого? Себя? Говорила о том, как познакомилась с Полуниным, когда они еще были друзьями с ее мужем. Как она увлеклась этим красавцем, который, будучи почти ровесником ее мужу, выглядел лет на десять моложе, был более стройным, подтянутым, красивым. И знала ведь, знала, что Павел Полунин отъявленный бабник, и все равно позволила себе увлечься.

Нет, не так! Она позволила увлечь себя, соблазнить, задарить, а потом заласкать, залюбить. Это было очень здорово – позволять себя любить. Да, да! Не смейтесь и не осуждайте! Павел каждую свою новую страсть любил. И ее – Ирину Ергачеву – он тоже любил. Пылко, страстно, нежно. Он выпивал ее по глотку каждый день. Но и давал напиться ей. Если не брать во внимание молодость, то это время их романа с

Полуниным было для Ирины лучшим временем ее жизни.

Она жила с мужем по привычке, не любила его, а просто привыкла быть с ним. А тут! Как ее закружил этот роман! Настолько закружил, что они с Павлом потеряли бдительность, и их связь всплыла. Да, да! Муж узнал. Узнал, и знал еще долгое время, но ничего не мог поделать с этой ситуацией, потому что его начальником был отец Ирины, души не чаявший в своей дочери. Да, он пытался ее образумить, но на развод с мужем никогда бы не согласился. Он даже угрожал Леонтию Владимировичу, что выгонит его с таможенной службы.

И Леонтий терпел. Он всегда был тряпкой, всегда все и всех терпел. А еще он очень любил деньги. И он терпел, унижался, просил Павла оставить в покое жену. А Павел смеялся ему в лицо, упиваясь безнаказанностью, которую вдруг ощутил.

– Нет! – почти в истерике выкрикнула Ирина. – Нет... Леонтий не мог. Не мог, не умел он. Если бы умел и мог, то давно бы уже устроил Павлу такую гадость, что тот...

«А может, боялся тестя! – подумал Лев. – Да, да, конечно... не столько тестя, сколько потерять место, власть, деньги. Он очень щепетилен, ее муж, Леонтий Ергачев, в вопросах власти у него комплексов, как у жабы бородавок. Он любит власть, хотя сам ее взять не может, потому и дорожит той, которую ему вручили... А еще он очень любит свою непутевую жену Ирину.

А Ирина любила Полунина. И когда он ее бросил, она нашла другого мужчину, чтобы утешиться, чтобы быстрее выбросить из головы то, что там накрепко засело. И когда его не стало, пыталась заглушить боль с другим человеком в постели. Знала, что, вступив в интимную связь, она будет относиться к нему уже иначе. Отсюда и кокаин...»

Крячко в ванной комнате не терял времени даром. Он сразу сообразил, что «потрошить» Прокопенко надо срочно, пока тот не остыл от ситуации, пока в нем храбрость вперемешку с кокаином. А кокаина он вдохнуть успел всего ничего.

– Слушай, Максим, – прислонившись к косяку и поигрывая зубочисткой во рту, начал сыщик. – Ты не боишься, что Ергачев тебе за твои проделки с его бабой устроит... э-э, неприятности?

– Боюсь... боялся... Точнее, не боялся, пока вы не появились! Какого черта вам надо?

– Нам? – Крячко задумчиво посмотрел в потолок. – Да нам ничего особенного и не надо. Чтобы мораль в стране чтилась, Уголовный кодекс тоже. Но это уже как фантазия на тему о светлом будущем. Чтобы наркотики народ не употреблял. Ну, это если вообще. А вот если в частности, то нас интересует как раз личность Ергачева. Ты его жену трахашь, должен о нем что-то интересное знать.

– Между прочим, – зло ощерился Прокопенко, – я даже ничего и не успел с ней. Так полизались, дурь понюхали, а тут вы.

– Извини! – Сыщик очень искренне приложил руку к груди и перестал улыбаться. – Такой облом тебе устроили. Ну, ничего, мы скоро уйдем, если ты все расскажешь, и вы можете продолжать, сколько вашей душе угодно. Хоть всю ночь!

– Хватит издеваться!

– Ну, хватит, так хватит, – уже спокойно ответил Стас. – Ты не особенно обижайся, потому что мне тебя уважать не за что. И отношусь я к тебе так, как ты того заслуживаешь. Ну, давай к делу. Значит, вопрос прежний: что ты можешь рассказать интересного про Ергачева, интересного уголовному розыску?

– Ничего, – пожал плечами Прокопенко. – Человек как человек.

– Хорошо, что ты знаешь о взаимоотношениях между Ергачевым и Полуниным?

– А кто такой Полунин? – нагло улыбнулся Прокопенко.

– А Полунин – это бывший любовник Ирины, которого она пытается с тобой забыть. Он ее бросил. А потом его убили. И если ты... нехороший человек, не перестанешь ваньку валять, то я начну тебя топтать по полной программе. С понятными, за употребление наркотиков. А потом тщательно, продуманно и очень увесисто сдам Ергачеву во всех красках. И как любовника его жены, и как человека, который пытался пристрастить ее к наркотикам. Тут и протокольчик сегодняшней очень пригодится в виде доказательства. Я даже сам пойду к Ергачеву про тебя беседовать. А он мужик со

связями, он ведь даже не в мэрии работает, а в федеральной службе. Ему пара пустяков по твоему бизнесу проехать как асфальтовым катком. Он тебя в слизь, в мокроту туберкулезную превратит!

– И за что? – не выдержав, заорал Прокопенко. – Он – понятно, а вы меня так за что?

– За то, что ты мразь, и тебя не жалко. Мне нужна информация, и я ее получу.

– Ладно... – Прокопенко отвернулся и некоторое время смотрел в кафель стены, играя желваками.

– Давай не жмись, – посоветовал Крячко.

– Какие гарантии лично мне?

– А каких ты хочешь?

– Конфиденциальность! Я ничего подписывать не буду и под протокол ничего говорить не буду. Только вот так поделюсь, и все. А вы меня защитите!

– От чего?

– Ну... не от чего, а просто поверите на слово, и сами не тронете, и другим не сдадите.

– Ладно, – согласился Крячко, подумал немного и не стал выключать диктофон в нагрудном кармане пиджака. – Пока ты с нами дружишь, ты в безопасности, но если за тобой криминал, мы тебе не защита. Бросаешь все – тогда дружба. Согласен?

– Да. Так вот... Ергачев курирует канал поставки в Москву нормальных курительных смесей и спайсов.

– Откуда знаешь?

– У меня в хозяйстве кальянов штук тридцать, – усмехнулся Прокопенко. – Молодежь нынче обожает это дело. Я дешево получаю через его каналы. Ирка устроила. Только она про спайсы ничего не знает!

– А ты откуда узнал?

– Узнал... – Прокопенко замялся. – Сам покупал. Думаете, без них в нашем бизнесе обойдешься? Хрен там. На него подсаживаются как на иглу, а потом ходят, ходят, ходят! Глаза стеклянные, сидят, как чучела, вокруг кальяна и сосут.

– Ты же убиваешь их, – прищурился Крячко, сверля собеседника взглядом. – Ты это понимаешь?

– Это только бизнес. Они знают, куда и зачем идут. Я никого не принуждаю и не обманываю. Они сами хотят «дурь» покрепче.

– Ладно, это сторону вопроса пока обсуждать не будем. Но я обещал, что тебя не трону, если ты завяжешь с криминалом. Помнишь?

– Хорошо, со спайсами завяжу.

– Два условия. Ты завязываешь со спайсами, и ты сдаешь канал Ергачева.

– Самого канала я не знаю, догадываюсь, через что идет, через кого в Москву попадает. А Ергачев в Саратовской области каждый раз партию лично встречает.

– Как-то не похож он на великого наркобарона...

– А кто сказал, что это он все организовал? Ему все сде-

лали, посадили на этот канал и велели блюсти. Вот он как пешка и рулит процессом. За ним наверняка стоят люди по-серьезнее. Хозяева этого бизнеса. А он там пешка. Куратор от таможни! Кстати, через три дня мне обещали получение новой партии. Это значит, что завтра товар пройдет границу...

Глава 5

Отправив Крячко в Саратовскую область, Гуров пошел на доклад к Орлову. Петр Николаевич Орлов был опытным оперативником, у него имелось чутье, и на него Лев очень рассчитывал.

Генерал выслушал доклад об операции в санатории «Волна», даже не улыбнувшись, только глаза чуть прищурились, когда Гуров описывал обстановку в номере. Перспективу вербовки Прокопенко, владеющего информацией по поставкам спайсов в Москву, он одобрил сразу. К версии о невинности Ергачева Орлов отнесся осторожно. Рано делать выводы. А вот ниточку с таможенным переходом в Саратовской области следует потянуть. Правильно, что Гуров отправил Крячко в Саратов. Генерал тут же поднял трубку и распорядился насчет приказа по командировке полковника Гурова и полковника Крячко. И поторопил бухгалтерию с выдачей командировочных и суточных.

– Я пока не берусь оценивать, что вы там со Станиславом разворошили, – провожая Гурова до двери и пожимая ему руку, произнес генерал, – но один знакомый ученый как-то мне сказал, что в природе не бывает такого, чтобы причина какого-то явления или события была только одна. Природа, как и человеческое общество, – это система. И в этой системе все взаимосвязано.

– Ты хочешь мне сказать, – усмехнулся Гуров, – что и причин смерти Полунина несколько. Что его убийство – результат взаимодействия многих сил внутри системы? Так я и сам все время об этом говорю. Его убили не потому, что этого захотел один человек, а потому, что таковы силы и тенденции внутри этой системы, системы грязного бизнеса, системы криминала, системы низменных человеческих страстей. А вот что послужило толчком? Любовная связь с женой Ергачева? Просочившаяся информация об участии Ергачева в криминальных поставках запрещенных спайсов в Москву? Или еще что-то? Потому я и рискнул сразу отправить Станислава в Саратов, а уж потом идти к тебе за советом.

– Кстати, – придержал Гурова за рукав генерал, – маячок ваш на машине Ергачева работает, и наши службы его ведут. Ему до Саратова ехать еще часа три. Поторопись!

Подполковник Акимов из Саратовского областного ГУВД встретил Гурова в аэропорту прямо у трапа. Невысокий, стройный, с большим носом и близко посаженными глазами, он совсем не походил бы на старшего офицера полиции областного управления, если бы не форма. Гурова он в лицо не знал, поэтому напряженно всматривался в лица всех сходящих по трапу пассажиров. Гуров по привычке попытался составить себе представление о человеке по его внешности. Похоже, ему прислали в помощники офицера делового, деятельного. И взгляд умный, это Гурову тоже понравилось.

После короткого представления подполковник показал рукой на черный «Форд» с частными номерами:

– Куда едем?

– Районный центр Озерки. Знаете, где это?

– Это край области. На границе с Казахстаном.

– Вот туда и поедем. Надеюсь, вас предупредили, что вы поступаете в полное мое подчинение?

– Так точно, – ответил подполковник, снимая фуражку и открывая водительскую дверь машины. – Надеюсь, вы меня познакомите с целью вашего приезда?

– Сколько ехать?

– Два часа, – коротко ответил Акимов, заводя машину и выводя ее на дорогу со стоянки.

– Так близко? Я думал...

– Двести десять километров, – пояснил подполковник, – но вы можете не беспокоиться, я в прошлом мастер спорта по автоспорту, так что минимальная скорость – сто километров в час, и вам лучше пристегнуться.

– Ну-ну, – одобрил Гуров и с готовностью потянул привязной ремень. – Еще какие у вас таланты имеются? Вы из какого отдела?

– Уголовный розыск. Кстати, я сам вызвался встречать вас и оказывать содействие. Хочу воспользоваться случаем и поблагодарить вас, Лев Иванович. Эти погоны на мне все еще благодаря вам.

– Да? – удивленно посмотрел на Акимова Лев. – Я не пом-

ню вашей фамилии. Это та история двухлетней давности?

Это было около двух лет назад, когда Гуров приезжал разбираться с превышением служебных полномочий в местное ГУВД. Ситуация была проста как апельсин. Во время задержания преступника оперативники открыли огонь на поражение без обязательного предупреждения голосом и предупредительного выстрела вверх. Вообще-то законом допускается отклонение от этой обязательной процедуры, если существует реальная угроза жизни или здоровью граждан.

Тогда Лев Иванович не скоро понял, что руководство ГУВД просто пытается избавиться от неудобного сотрудника таким вот способом – «притянув за уши» формальное нарушение соответствующего приказа МВД. Гуров разобрался. Оказалось даже, что задержание того самого преступника, которое было осуществлено с применением табельного оружия, прямо способствовало раскрытию ряда тяжких преступлений в области и за ее пределами. А сотрудник, который применил оружие, сделал это в критической ситуации, он долго рисковал до этого, не прибегая к помощи оружия. Но фамилия сотрудника была не Акимов, а... Фролов. Старший лейтенант Фролов.

– Подождите-ка, – почесал бровь Лев, – а вы-то каким боком в том деле участвовали? Я не помню вашей фамилии в материалах.

– А это произошло чуть позже, но в результате вашего разбирательства. Ведь той операцией я руководил и формально

нес ответственность за действия сотрудников. Меня намеревались понизить в должности и завернуть звание подполковника, которое вот-вот должно было прийти. Тогда сняли моего начальника, а новый усмотрел в моих действиях даже положительные моменты. И вот я подполковник, и я на службе.

– М-да, у нас бывает всякое, как и в любом ведомстве. Кто-то хочет выслужиться, кто-то просто может наломать дров, а кто-то палец о палец не ударит... Ну, хватит об этом. Давайте о деле. О цели моей командировки.

Оставив подполковника Акимова в машине, чтобы тот не маячил в форме на таможенном пункте, Гуров неторопливым шагом отправился к административному зданию. По телефону Крячко сказал, что будет ждать шефа у входа в «курилке». Дышать свежим воздухом с примесью запаха степных трав было приятно. Особенно после дикой гонки, которую продемонстрировал Акимов. Хотя, надо отдать должное, он действительно довез за два часа, почти не сбрасывая скорость.

Крячко стоял боком ко входу и оживленно дискутировал с двумя мужчинами, больше размахивая сигаретой, чем затягиваясь ею. Место, отведенное для курения, было оформлено со всеми приличествующими атрибутами: информирующие знаки, пожарный щит, двадцатилитровый огнетушитель на специальной тележке. Хотя огнетушитель мог предназначаться для тушения возгорания и на площадке осмотра, что

имелась неподалеку.

Гурову показалось, что Крячко даже не глянул в его сторону, но быстро свернул разговор, бросил сигарету и поплелся к входу в здание. Встретились они возле справочного окна в прохладе кондиционированного помещения.

– Лихо ты долетел, – восхитился Крячко, продолжая делать уныло-недовольное лицо, как будто его достали уже некие гипотетические бюрократические рогатки таможенной службы.

– Да... не важно, – отмахнулся Гуров. – Что Ергачев?

– Ергачев в порядке. Здесь он. Я наблюдал его прибытие. Кстати, шеф сообщил, что «прослушку» Ергачева он узаконил. Соответствующее решение есть в Москве. Слушаю я нашего подопечного. И он все в том же пиджаке... с микрофоном в воротнике.

– К кому он ходил?

– Ко многим. Не знаю, где и что он решал, это запись нам скажет. А так он по субординации пошел, с одним, правда, маленьким отклонением от нее. Сначала зашел в комнату дежурной смены, а уж потом к начальнику поста. Потом к пограничникам наведалься. Но никто из начальства с ним к машинам не ходил.

– Может, не было еще машин? Не пришла партия?

– Хрен там! – улыбнулся наконец Крячко. – Вычислил я их!

– Да ты что? Как?

На лице Гурова Станислав увидел столько тревоги, сомнения и неподдельного напряжения, что не выдержал и снова тихо рассмеялся.

– Да, шучу, шучу! От наших «слушачей» эсэмэска пришла с номерами машин, которые Ергачев назвал кому-то. Имени собеседника не прозвучало, но по времени записи можно синхронизировать передвижения Ергачева по территории. Это у меня отмечено. Значит, так, Лев, это две фуры с московскими номерами. Везут всякую китайскую пластмассу. Думаю, что там спрятан и наш товар.

– Машины где?

– За отстойником на обочине. Я немного подсуетился... Неполадки у одной фуры...

– Пошли, я привез с собой местного подполковника из областного ГУВД. Начнем досмотр по нашей линии. Хорошо, что машины за пределами поста, претензий у таможенной службы не будет из-за повторного досмотра.

– Да у них и первого толком не было. Даже собачку не подвели к машинам. И Ергачев все еще здесь, – кивнул Крячко на машину на парковке у здания. – Волнуется, ждет, пока фуры отсюда... – Он вдруг замолчал на полуслове и остановился как вкопанный.

Гуров тут же понял, в чем дело. За пределами таможенно-го пункта вдоль обочины стояло несколько машин. Два микроавтобуса, три легковушки и одна фура. Одна! Поднятая кабина «КамАЗа», загорелая спина водителя, то и дело вы-

тиравшего лоб тыльной стороной ладони. Его напарник сидел рядом на корточках и тихо ругался, это было видно по его лицу.

– Значит, так, – быстро осмотрелся Гуров, – бери моего подполковника и организуй экстренное потрошение этой фуры, а я...

– Передадим по линии ГИБДД, и ее на следующем же... – предложил Крячко.

– А если они не пойдут по федеральной трассе? – перебил его Лев. – А если они вообще двинутся второстепенными дорогами? А если их ждут в соседней деревне и там перекинут груз на другую машину? Номер?

– Триста двадцать семь! Кабина синяя. У нее тент старый, выгоревший, серо-белый. Характерная примета – швы на крыше проклеены черной лентой. Один продольный шов и четыре поперечных.

Решение пришло быстро, когда Гуров бежал к машине Акимова. Справа в нескольких километрах он увидел садившийся самолет «Ан-2». Судя по всему, там был аэродром, и там шли прыжки парашютистов. Коротко объяснив Акимову его задачу, Лев уселся за руль «Форда» и погнал машину в сторону аэродрома.

С шоссе пришлось сворачивать почти сразу. Извилистая и до невозможности разбитая грунтовка вела то в сторону аэродрома, то сворачивала и уходила далеко в сторону. Он ругался, морщился, но упорно гнал машину, стараясь не ду-

мать, как будет потом объясняться относительно разбитой «ходовки». Неожиданно машина вскочила на узкий, старенький, но вполне приличный асфальт. Он тут же прибавил скорость, и машина понеслась, разбрызгивая часто встречающиеся нашлепки навоза.

Аэродром оказался гораздо дальше, чем Гурову показалось вначале. По старенькому асфальту он проехал еще почти десять километров, пока перед ним не раскинулся обширный ровный степной участок с несколькими деревянными строениями и большим железным ангаром. В тени у ангара стоял автобус, неподалеку прямо на траве расселась группа парашютистов. В нескольких десятках метров насосом с помощью дизельного генератора заправляли тот самый «Ан-2», который Гуров видел с таможенного пункта.

Остановившись возле ангара под любопытными взглядами спортсменов, большая часть которых была девушками, Гуров выскочил из машины и требовательно крикнул:

– Кто старший?

– Я, а что? – стала подниматься с жесткой степной травы сухощавая женщина лет сорока с обветренным лицом.

– Нет, – раздраженно махнул рукой Лев. – Мне нужен не старший группы спортсменов, а кто отвечает за прыжки, за самолет!

– Это вон Сорокин, – кивнула женщина в сторону самолета, – заместитель председателя клуба... А что случилось? Вы откуда?

Гуров уже не слушал. Он торопливо шел к самолету, стараясь не переходить на бег. Сколько времени у него уйдет на разговоры, неизвестно, результат тоже неизвестен, а фура в это время удаляется каждую минуту примерно на километр. Из двух мужчин возле самолета один был в синем комбине-зоне и второй в коричневой кожаной летной куртке. Судя по осанке и хозяйскому виду, он и был заместителем председа-теля.

– Вы Сорокин? – не столько спросил, сколько уверенно заявил Гуров. – Я – полковник полиции Гуров из Москвы. Отойдите на минуту.

По тому, как Сорокин посмотрел на него и, не задавая пустых вопросов, сразу отошел чуть в сторону от самолета, чтобы заправщик не слышал их разговора, Гуров решил, что человек ему попался толковый и опытный. Но удостоверение он все равно достал и предъявил:

– Главное управление уголовного розыска страны.

– Ух ты! Из Главка? – улыбнулся мужчина.

– Ну да. – Сыщик с интересом посмотрел на Сорокина. Тот явно владел полицейской терминологией.

– Майор Сорокин, – широко улыбнулся мужчина и протянул руку. – В прошлом начальник уголовного розыска Озерского РУВД. Но это еще до реформы. Вылетел вместе с ней, родимой. Чем могу помочь, коллега?

– Слушайте, майор, у нас появилась информация, что че-рез границу прошли две фуры, в которых вместе с китайски-

ми товарами спрятаны упаковки спайсов. Знаете, что это такое?

– А кто ж не знает, отравы, яд! По телику вон уже сколько говорят об этом, показывают, как пацаны и девки в муках корчатся и погибают. Канал, значит, надыбали? Молодцы! Уважаю.

– Одна машина прорвалась, майор. Мы знаем ее номер, как выглядит, но у нее фора около часа. Понимаете?

– Та-ак... – Сорокин быстро оглянулся на самолет. – Я понял вас, товарищ полковник... Черт!

– Что вас волнует? – нетерпеливо заговорил Гуров. – Если поняли, так давайте действовать! Ну же! Майор!

– Я могу всю оставшуюся жизнь выплачивать, – прикусил губу Сорокин. – Ладно, если за бензин, а если за самолет...

– Из самолета я свяжусь с Москвой, они тут же дадут указания в ваше областное ГУВД, и ваша спортивная школа или аэроклуб, как вас правильно называть, получают официальное письмо. И с просьбой о помощи, и с гарантиями, и с компенсацией. И даже с личной благодарностью генерала, если хотите.

– Давайте, – азартно улыбнулся Сорокин.

Вышедшего из-за угла и на ходу застегивающего брюки пилота уговаривать долго не пришлось. Он сразу заявил, что его дело маленькое, что хоть в Турцию, хоть на Канары. Через несколько минут «Ан-2» уже выруливал на старт. В окно Гуров видел, как парашютисты повскакивали с места и на-

чали возбужденно переговариваться.

Звонить Гуров стал не в Москву, а своему напарнику Крячко, который, имея под рукой подполковника Акимова, мог быстро и толково организовать официальное задействие в розыске самолета местного аэроклуба. Лев сидел на корточках между сиденьями первого и второго пилотов и слушал.

– Это даже лучше, чем вертолет! – кричал ему летчик, на котором не было наушников. – У меня крейсерская сто восемьдесят, могу и до двухсот тридцати разогнать, но не в этом дело. У нас запас горючего больше, я сяду на полосе в триста метров, а взлечу со ста пятидесяти. Я могу планировать, а могу при определенных условиях даже зависнуть. Если ветер примерно тридцать-сорок километров в час, а я против ветра, то вполне могу висеть над одной точкой земли. Это уникальная машина!

– Лев Иванович, – крикнул в ухо Гурову Сорокин, – а вы уверены, что вспугнули вторую машину?! Что она будет прорываться или прятаться?!

– Теперь уверен. Там на посту начали уже допрашивать водителей первой машины. Они успели все перегрузить во вторую, но следы остались. Вы скажите, майор, в этой местности, если водители ее знают хорошо, они будут пытаться спрятаться или побыстрее уйти отсюда в другую область?

– Наверняка знают, – согласился Сорокин. – Новичков не послали бы с грузом. На юг они не пойдут, там степи до го-

ризонта. Они понимают, что мы их или на трассе возьмем, или выследим на проселках по пыльному хвосту длиной в несколько километров. И в Саратов не пойдут, они же знают, что мы их там ждем. Нет, они на север пойдут, к Узеню. Это река! Она извилистая, там много пойменной растительности. Там и спрятаться можно, а можно уйти в Самарскую область, где сплошные леса. На север нам надо!

Гуров тоже так думал. Более того, он успел передать Крячко, чтобы тот поставил в известность таможенников и пограничников о том, что вторая машина может попытаться уйти назад в Казахстан. И сейчас там, на таможенном пункте, уже задержали Ергачева, лишили его всякой связи и отправили под хорошей охраной в Саратов. На посту никто не должен был догадаться, что Ергачева задержали.

Летчик что-то сказал в микрофон, и Сорокин тут же повернулся к Гурову:

– Вон машина! Смотрите, на два часа к нашему курсу. Синегорский они проскочили, а теперь двигаются на Балаши.

Гуров взял протянутый ему бинокль и стал вглядываться в растительность на берегу озера. Тут было несколько больших озер, и местами берега поросли обильной растительностью. Машина шла медленно, явно боясь грунтовой дороги. И было хорошо видно, что кабина «КамАЗа» синяя, а выгоревший тент имеет на крыше отчетливые черные полосы – одна вдоль кузова и несколько поперек.

– Пусть ищет место для посадки, – похлопал Гуров Соро-

кина по плечу.

Майор тут же стал объяснять пилоту задачу. Опытный оперативник Сорокин понимал, что сесть нужно в таком месте, откуда самолет мог снова подняться, но и достаточно близко от машины, чтобы пешком можно было ее перехватить, желательно в трудном для движения большегрузного транспорта месте.

– Слушай, майор, – наклонился к уху Сорокина Лев. – Вы меня высаживаете и снова в воздух. Будете патрулировать, пока я не подам сигнал, что это та самая машина, или не увидите, что я их взял. Если ничего у меня не получится, вызываешь подкрепление и ведешь самолет за ними. Связывайся с диспетчером, пусть снова выходят на полицейскую волну.

– Товарищ полковник, – схватил его за руку Сорокин. – Одному трудно. Я с вами пойду, а Леха все тут наверху делает как надо. Я за него ручаюсь, как за себя самого!

Летчик посмотрел на Сорокина, потом на Гурова и широко улыбнулся, показав большой палец руки. Это следовало понимать как согласие. Да, прав майор. Не хочется подставлять его под пули. А вдруг экипаж фуры вооружен? А если они окажут сопротивление? Глухое место... Они ведь запросто смогут предположить, что самолет сел не случайно. Перегородить им путь самолетом? Они могут его повредить и уйти, и тогда преследовать их будет не на чем. И рации не будет, а одним телефоном много не накоординируешь.

Летчик вдруг начал активно жестикулировать, показывая

большим пальцем вниз. И тут же самолет лег на круг, обходя ползущую внизу машину слева. Он что-то говорил в микрофон Сорокину, и майор соглашался. Ладно, поверим их опыту, решил Гуров. Он вышел из кабины и перебежал к боковому иллюминатору в салоне. Теперь понятно, молодец... как его там, Леха? Грунтовка спускалась в узкую балку. Машина начала уже туда втягиваться, не подозревая, что самолет прилетел по их душу. В этой балке фура не развернется, она не сможет там ехать быстро. У водителя будет только один выход – выбираться, двигаясь вперед.

Самолет сбросил скорость, рев двигателя сразу уменьшился, послышался звук обтекающего фюзеляж и крылья встречного воздуха. Летчик сажал машину как раз на край балки, всего в нескольких десятках метров от края. Сорокин сорвал с головы наушники, повесил их на приборную панель и отстегнул ремни. Гуров присел на лавку возле выходного люка в салоне, ухватился покрепче за поручни и стал ждать.

Если из фуры и поняли, что самолет садится неподалеку, то предпринять водитель и его напарник что-то активное и тем более неожиданное не могли. Вряд ли они рискнули бы бросить машину и попытаться скрыться. Да и куда, и как далеко они могли убраться отсюда без машины? Выскочив в открытый люк, Гуров сразу выхватил пистолет из наплечной кобуры. За его спиной захлопнулся люк, и мотор самолета взревел на взлетных оборотах. Рядом появился Сорокин, с одобрением смотревший на пистолет в руке Гурова.

– Давайте наперерез, – предложил он. – Стреляем в воздух и активно машем руками. Никуда не денутся, не станут ведь давить.

– А если станут? – на бегу спросил Гуров. – Они еще и правы будут, что не остановились. Мало ли... бандиты на дороге, да еще и стрелять сразу начали. Ты обратил внимание, что у них стекла на окнах опущены? Прыгать на подножки, представляться и требовать остановки. Другого выхода нет. А вот уж потом... Понял, майор?

– Лучше с двух сторон, – согласился Сорокин, и в этот момент они подбежали к краю обрыва. Машина приближалась. До того места, где стоял Гуров со своим добровольным помощником, ехать ей было метров двадцать. Сорокин выругался и топнул ногой: – Все, не успеваем!

– Замри! – приказал Гуров. – Действуешь по обстоятельствам и не лезь на рожон. Видать, мне придется как-то самому.

Высота склона была около пяти метров, и он не так уж и крут, если спускаться аккуратно и боком. Но вся проблема в том, что надо преодолеть этот спуск максимально быстро. Настолько быстро, чтобы сидевший рядом с водителем напарник не успел среагировать, не помешал открыть дверь снаружи, не помешал сыщику запрыгнуть в кабину, представиться и потребовать остановить машину. Ну, и совсем уже оптимальный вариант: всем выйти из машины, предъявить документы и добровольно выдать незаконный контрабанд-

ный груз, коим и являются упаковки спайсов.

В теории все очень просто! Но только спустаться придется на глазах у водителя и его напарника, которые могут и не захотеть открывать незнакомцу двери и останавливаться по его требованию. Может, из-за того, что не поверят, что это работник полиции, а может, как раз наоборот, потому что поверят. Вот работенка, подумал Гуров, взглядываясь в номер приближающегося синего «КамАЗа» с выцветшим серо-белым тентом. «327»! И надо сделать все, чтобы они не ушли!

Выбора не было. Увидят или не увидят... скорость у груженной машины меньше тридцати километров в час на такой дороге, да чуть на подъеме. «Ох, и влетит мне, – подумал Лев, прикидывая расстояние и свою возможную скорость спуска. – Пора!»

На преодоление спуска в пыли, по осыпающейся земле и каменному крошеву ушло всего несколько секунд. Из машины его заметили, это было неизбежно, но что они предпримут, вот вопрос. Отплевываясь, сыщик чуть замедлил свой бег в самом низу спуска, чтобы не попасть под колеса «КамАЗа», и сделал прыжок вперед. Одна рука вцепилась в ручку двери кабины, вторая в кронштейн зеркала. Напарник водителя судорожно крутил ручку стеклоподъемника. Почему-то он с этим замешкался, и сейчас Гуров видел его напряженное смуглое лицо над кромкой поднимающегося стекла.

– Остановите машину! – заорал он. – Полиция! Уголовный розыск!

Рывки за ручку двери ни к чему не привели, и оставалось только доставать или удостоверение, что было оправданно, но явно бесполезно, или пистолет, что было более эффективно. Эффективно, но могло спровоцировать, например, выстрел из кабины. И потом на суде эти двое будут доказывать свою правоту и докажут. Ну, может, признают некоторое превышение пределов необходимой самообороны. Только ему будет не легче.

И тут боковым зрением Гуров заметил какое-то движение. Тент вздрогнул от удара сверху, а спустя несколько секунд Лев увидел через стекло, что со стороны окна водителя появилось что-то большое и движущееся. Водитель вдруг как-то дернулся, кажется, отлетел от своей двери на напарника. Машину мгновенно понесло вбок, заскрипел кузов, рыкнул двигатель, и фура поперла на другой склон балки.

Гуров не удержался из-за резкого рывка и полетел на землю, в дорожную пыль и степную колючую траву. Ему показалось, что фура накренилась так, что может вот-вот опрокинуться прямо на него. Оглушенный падением, он слышал какие-то крики, удар открывшейся двери кабины. Выплюнув сгусток пыли, набившийся в рот, Лев вскочил на ноги. То, что он увидел, его озадачило.

«КамАЗ» стоял почти боком. Кабина задралась на противоположном склоне балки и готова была опрокинуться, если бы не упиралась в кузов, в кабине слышались хрипение и удары, там шла ожесточенная борьба, а смуглый напарник

водителя, закинув на плечо большую сумку, удирал вверх по дороге, ведущей из балки.

– Догоняй, полковник! – раздался хриплый голос Сорокина из кабины. – Этого я взял!

Гуров выхватил пистолет из кобуры и кинулся следом за человеком с сумкой. В горле першило от пыли, и громко крикнуть: «Стой, стрелять буду!», не получилось. Ругаясь про себя последними словами, сыщик бросился догонять беглеца, морщась от боли в ушибленном колене.

Убегавший был моложе. Сухощавый, но крепкий. Придет-ся «дырявить», решил Лев. Оторвет Орлов ему голову за это, но упускать этого типа нельзя. И что у него в сумке такое важное или драгоценное, что он бросить не хочет? Не упаковки же со спайсами? Вот он уже и скрылся за краем балки наверху. Гуров поднатужился и тоже взбежал наверх. Мужчины с сумкой нигде не было!

Он осмотрелся по сторонам. Куда тут бежать? Ровная, чуть всхолмленная местность, чахлый кустарник, дальше озеро с зеленой растительностью, но туда преступник добежать не успел бы. Не в кустах ли где залег? И вполне возможно, что у него оружие. Вдруг ветерок донес справа шум скатывающегося грунта и камней, и Лев, присмотревшись, понял, что за редким кустарником скрывается склон небольшого овражка.

Он побежал на звук. Опасался выстрела, но все же бежал вперед. Вряд ли преступник решится на такую задерж-

ку, чтобы спрятаться и поджидать с оружием в руках преследователя. Нет, будь у него такой опыт и такой настрой, он бы начал стрелять еще возле машины, когда Гуров валялся оглушенный на земле, а Сорокин возился с водителем. Да, тогда он мог бы их обоих застрелить. Значит, опыта у него маловато и в голове сейчас только намерение скрыться как можно быстрее.

Понимая, что спрятаться на этой местности особенно-то негде, даже в более пышной растительности по берегам озера, Лев рассчитывал, что преступник побежит вдоль озера дальше на север. Там была дорога, там можно было поймать попутку и исчезнуть. Следовательно, надо перерезать преступнику путь на север, а здесь, в мелких балках и овражках, он будет прятаться максимум до тех пор, пока не придет подмога Гурову.

Обогнув вершину овражка, сыщик, прихрамывая, побежал вдоль его русла к озеру. Так, думал он, теперь осторожнее, он где-то здесь. Снова ветер донес шорох мелкого каменистого крошева под ногами бегущего по днищу оврага человека. А вон небольшой клубок пыли поднимается над кустиками. Гуров взял еще правее и поспешил вперед с максимальной скоростью, на которую было способно его колено. Сыщик не торопился нападать, угрожать оружием и припереть к стенке преступника, пусть даже к стенке оврага. Он хорошо понимал, что одно дело гнать и преследовать, а совсем другое – поставить человека в безвыходную ситуацию.

Говорят же – не загоняй зверя в угол. В данном случае не загоняй раньше времени. Сначала убедись, что ты полностью контролируешь ситуацию.

Бегущий по днищу оврага человек преследователя не видел. Может быть, он даже не знал о его существовании, полагая, что смог оторваться, исчезнуть. Овраг сильно расширился в сторону озера, справа и слева в него вливались еще два овражка. Гуров прикинул расстояние и решил, что почти опережает бандита. Мысленно попросив прощения у многострадального колена, он спрыгнул вниз, вспугнув маленькую гадючку, бросившуюся в сторону от него, и заковылял вперед, проверяя на ходу, снят ли с предохранителя пистолет. Вот и то место, где овражек сливается с основным оврагом...

Этого Гуров предположить не мог! Удиравший бандит все же опасался преследования. И очень сильно. Он постоянно оборачивался назад. Хорошо, что преследовавший его сыщик не бежал по краю оврага, иначе точно бы нарвался на пулю. Запыхавшийся бандит совсем разволновался, видимо, полагая, что его обхитрили. Паника – вещь сильная! Увидев впереди поворот, за которым он мог спрятаться и отдышаться, прислушаться и оценить обстановку, преступник, не останавливаясь, бросился вправо и буквально налетел на Гурова.

Реакция у него оказалась на редкость хорошей. Он мгновенно бросил сумку, висевшую на плече, и схватил Гурова за кисть правой руки, в которой тот держал свое оружие. Бук-

важно пару секунд они стояли в напряжении, пытаясь пере-силить друг друга. Весь огромный опыт рукопашных схва-ток подсказывал Гурову, что его противник сейчас попыта-ется ударить его коленом в пах, и спасением от такого уда-ра было собственное бедро, подставленное под удар. Но вот его противник не знал этих хитрых приемов освобождения от захвата.

Не тратя времени на бесполезную борьбу, Гуров одним сильным рывком провернул руку в пальцах своего против-ника, а потом резко согнул кисть в направлении его боль-шого пальца. Рука мгновенно выскользнула из захвата, и недолго думая Лев впечатал рукоятку пистолета в лоб своему противнику. Этот удар не был в состоянии ввести человека в бесчувственное состояние, но был весьма болезненным и оглушающим, чтобы и более сильных и подготовленных лю-дей заставить машинально хвататься за ушибленное место.

Воспользовавшись секундным замешательством против-ника, Гуров дернул на себя его руку с пистолетом, потом по-вернул ее и, зажав у себя под мышкой, согнул кисть. Писто-лет выпал на землю. Еще рывок, и рука оказалась согнута в локте и завернута за спину. Для того чтобы совсем уже оглу-шить и деморализовать бандита, Гуров повалил его на зем-лю лицом вниз и упал на него всем своим весом.

Мужчина вскрикнул и закашлялся от набившейся в рот пыльной сухой земли, а Лев сунул свое оружие в кобуру и вытащил из-за ремня сзади наручники. Два щелчка, и те-

перь можно встать и отряхнуться, разглядывая поверженно-го противника со скованными за спиной руками.

– Ну, ты и помотал меня, – потирая колено, усмехнулся он. – И зачем ты побежал, друг мой ситный? Я же вам кричал, чтобы остановились, что я из полиции.

– А я не разобрал, я думал, что вы бандит, – сквозь кашель заявил задержанный.

– Ну, сам теперь виноват.

Вдруг совсем рядом послышался звук автомобильного мотора. Судя по всему, это был «уазик». Через минуту на краю оврага остановился запыленный «Патриот» с красивой надписью через весь борт «ЭНЕРГОМОНТАЖ». Первым из машины выскочил полицейский с погонями старшего лейтенанта, потом еще двое мужчин в темных брюках и светлых рубашках. Один был даже в галстуке.

– Полковник Гуров, – не растерявшись, сразу проговорил Лев, – Главное управление уголовного розыска.

Старший лейтенант представился местным участковым, хотя удостоверение у Гурова все же проверил. Двое мужчин оказались инженерами эксплуатационного участка местной производственной компании. Когда задержанного подняли наверх, Гуров попросил участкового составить акт досмотра содержимого сумки.

– Что находится в вашей сумке? – задал он обязательный при данной процедуре вопрос.

– Это не моя сумка! – буркнул мужчина.

– Сейчас мы не это обсуждаем, – поморщился сыщик. – Вы бежали от машины с этой сумкой, значит, прихватили чью-то чужую. Итак, я повторяю свой вопрос: что находится в данной сумке?

– Не знаю, я нашел ее, когда бежал.

– И сумку, и пистолет, – кивнул Лев. – Ладно, продолжаем. Задержанный отказался предъявлять содержимое, поэтому приводим досмотр при понятых.

Он расстегнул молнию и медленно открыл сумку. Характерные полиэтиленовые пакеты с белым порошком внутри сразу все объяснили. Килограммов пять! Вот почему бандит не хотел бросать сумку, вот почему он бросился бежать. Тот груз они просто транспортировали по налаженному каналу, а вот это был его личный груз. Подзаработать захотел, свой личный канал поставки героина решил соединить с каналом поставки спайсов.

Гуров и Крячко сидели в кабинете подполковника Акимова. Подполковник выглядел угрюмым и отвечал односложно.

– Что-то ты мне не нравишься, Вячеслав Андреевич, – произнес наконец Гуров, которому надоело смотреть на кислую физиономию хозяина кабинета. – Что случилось? Операция прошла успешно, по линии местного ГУВД ничего криминального не нашлось. Все, что тут вскрылось, – по линии таможенной службы, а ты и твое руководство в шоколаде.

– Меня не это расстраивает, Лев Иванович. – Акимов отшвырнул авторучку, которую до этого крутил в руках.

– А что? – спросил Крячко, который тоже заметил, что с подполковником творится что-то неладное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.